

№5

Май 2012

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ВЛЖГЦ
СВОЙ ОГОНЬ!

 23:00

 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира.

Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Banco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5⁽⁷⁹⁾
Май 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 TRUST СТРАСТИ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 12 ЗАЖГИ СВОЙ ОГОНЬ!
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 14 ИСТОРИЯ ЛОШАДИ И НЕ ТОЛЬКО
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 18 НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 20 ИГРАЕМ КЛАССИКА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 24 ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 26 У ВОЙНЫ НЕДЕТСКОЕ ЛИЦО
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 30 ГЕНЕРАЛ ПОБЕДЫ
ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ
- 33 СЛУЖИТЕЛЬ ПРАВДЫ И ДОБРА
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 36 А ЛЮБОВЬ ВСЕ ЖИВЕТ...
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 38 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 42 «А ЕСТЬ ЛИ ТАМ ТЕАТР?»
ЯНА ИСРАЕЛЯН
- 45 ИМЕНА ЛАУРЕАТОВ ИЗВЕСТНЫ
- 46 ЧЕЛОВЕК ПАМЯТИ И КУЛЬТУРЫ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 48 ЮНОСТЬ КОРОЛЕВИЧА
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 52 СОЗИДАТЕЛЬ ПО ПРИЗВАНИЮ
ТАМАЗ ГЕРСАМИЯ

На обложке - Анри Джохадзе, участник от Грузии на «Евровидении-2012»

ОТ ДО

«НЕКРУГЛАЯ ДАТА» ФЕДОРА ХИТРУКА

1 мая исполняется 95 лет со дня рождения Федора Савельевича Хитрука – замечательного российского мультипликатора, сценариста, кинорежиссера, педагога и переводчика. Создателя незабываемых мультфильмов для детей и взрослых – «Каникул Бонифация», «Топтыжки», саркастической и грустной «Истории одного преступления», ехидного и веселого «Фильм, фильм, фильм...» И поистине великого, «на все времена» мультсериала про гениального поэта – сочинителя «кричалок и вопилок» и оригинального философа-моралиста Винни-Пуха, а также его друзей Пятачка, Кролика, ослика Иа и Совы.

КРЫЛЬЯ «КРАСНОГО БАРОНА»

Ровно 120 лет назад 2 мая родился знаменитый «Красный барон» - немецкий летчик-ас Манфред Рихтгофен, сбивший во время Первой мировой войны 80 самолетов. Прозвище он получил из-за цвета своего самолета. Этот потомок знаменитого фельдмаршала армии Фридриха I и выходец из старинного аристократического рода фрайхерров, или «вольных господ» - высшего слоя прусского дворянства, не захотел продолжить воинскую семейную традицию служить в кавалерии. Он выбрал себе новый сверх-технологичный

для того времени род войск – авиацию. На фронте он познакомился с известным воздушным асом Освальдом Бельке, командовавшим летной частью по соседству. Тот пригласил Манфреда полетать и в первом же полете дал ему «поручить». А дальше произошло чудо: молодой барон оказался от природы наделенным «чувством полета», как музыкант абсолютным слухом. Это был прирожденный гений авиации. Уже через несколько недель летчик-новичок сбил первый самолет противника, открыв упомянутый список своих побед. В дальнейшем Манфред возглавил эскадрилью, в которую набирал «асов из асов». Ее прозвали «воздушный цирк», ибо летчики оттуда были воздушными хулиганами и сорвиголовами, начисто лишенными инстинкта самосохранения. А скоро «Красный барон» стал подлинной иконой германской нации. Ну, еще бы, красавец-блондин с открыток на своем легендарном красном триплане. Ему мы, кстати, обязаны моде на кожанки с меховым воротником и длинным белым шарфом. Он прожил всего 26 лет. И погиб в воздушном бою. Но в небе его так никто и не смог победить. Великого аса достал выстрелом с земли снайпер. Умиравший «Красный барон» плавно посадил самолет на живописной лужайке, заглушил мотор, достал из кармана платок любимой, прижал его к губам и умер. Даже противники сочли такую смерть «красивой» и похоронили его с воинскими почестями.

Многие потом сомневались в точном числе сбитых им самолетов, считая, что Рихтгофену приписали лишние. Но военные историки в конце прошлого века их посрамили, сумев абсолютно точно доказать 73 победы «Красного барона» из восьмидесяти.

ФРАНЦИЯ... АРМИЯ... АВАНГАРД...

Звучит, как в советские времена, Ленин-партия-комсомол – пафосно и претенциозно. Если бы это не была невыдуманная фраза персонажа мировой истории. 5 мая 1821 на острове Святой Елены скончался великий Наполеон Бонапарт. И его последними словами были именно: «Франция... армия... авангард...» Так то.

Перед этим он долго болел. А за пару недель до смерти, продиктовал завещание – «Я желаю, чтобы мой прах покоился на берегах Сены, среди французского народа, который я так любил». Наполеон знал, что умирает, и как настоящий солдат не боялся смерти. О своей болезни он шутил: «Это еще одно мое Ватерлоо, но изнутри». По одной из версий, Наполеон был отравлен мышьяком. В свете современных теорий, это не очень вероятно, но, как говорят в детективных романах, не стоит исключать такую версию. Те, кто был с низложенным императором в ссылке, поехали туда, конечно, по доброй воле. Но может быть, это было сделано в «благородном порыве», как красивый жест – не брошу любимого императора! Но в жизни все оказалось совсем нерадушно. Потянулись годы тоски и затворничества, а заточение небольшой замкнутой группы людей на крошечном острове становилось попросту невыносимым – это вам любой психолог скажет. Все друг другу жутко надоели, а характер Наполеона, и без того непро-

стой, портился и портился. В итоге, эти обстоятельства могли кого-то из приближенных великого корсиканца подтолкнуть к чему-то «нехорошему»...

И еще об острове Святой Елены. Ровно 510 лет назад, а именно 21 мая 1502 году португальский мореплаватель Жуан да Нова – между прочим, этнический испанец, открыл этот остров в южной Атлантике. Больше восьмидесяти лет о нем знали только португальцы. Но в 1588 году к острову пристал английский капитан Томас Кавендиш. А с середины семнадцатого века он стал английской колонией.

КОНЕЦ «ДОЛГОРУКОГО»

855 лет назад 15 мая 1157 года в Киеве был отравлен на пиру у местного боярина Петрилы Великий князь киевский Юрий Долгорукий. За руку отравителей никто не схватил, но когда здоровый человек после банкета заболевает и умирает через пять дней в страшных мучениях, как правило, ни у кого не возникает никаких сомнений. Летописцы не очень подробно останавливались на самом факте смерти князя, их больше заботили описания беспорядков, которые учинили безжалостные киевляне в домах приближенных Юрия. Тексты с описанием многочисленных погромов пестрили словами «пограбиша» и «избиваху». Похоронили ненавистного князя чуть ли не в день смерти – скорее всего, тайно и, скорее всего, ночью. И даже не в самом Киеве, а в храме у стен знаменитой Киево-Печерской лавры. Без помпы и полагающихся почестей. Хотя человеком он был, конечно, неординарным.

Георгий, Гюрги или Юрий, шестой сын знаменитого русского воителя Владимира Мономаха, правнук легендарного Ярослава Мудрого и внук последнего англосаксонского короля Гарольда Второго. Великим киевским князем он пробывал в общей сложности три года, и «в три приема» – то есть добивался престола трижды и всякий раз силой оружия, чем не снискал большой любви киевлян. Они его за алчность и безжалостность прозвали Долгоруким. Но в историю Древней Руси он попал, конечно же, как основатель Москвы. Там его, в отличие от Киева, почитают и по сей день. Там воздвигнут величественный памятник в самом центре города, напротив мэрии. Этот памятник установили к 800-летию основания города. Иосиф Сталин через два года после тяжелой и кровопролитной войны решил сделать народу праздник и пышно отметить круглую дату российской столицы. Кроме памятника, он велел археологам отыскать в Киеве могилу Юрия Долгорукого. Те старались, но безрезультатно. В итоге, ограничились тем, что установили надгробный камень в самой сохранившейся церкви со сло-

вами, что «где-то здесь покоится»... Но у этой истории есть продолжение. В самый разгар перестройки археологи в пятнадцати шагах от церковной стены наткнулись на явно великокняжеский саркофаг из песчаника, в котором лежали кости. Их тогда же почти бесспорно идентифицировали, как останки князя Юрия Владимировича. Но за первыми выводами, потребовались другие, более серьезные, которые требовали основательных экспертиз. Но Советский Союз вскорости уже развалился, и было не до криминалистических изысканий. Эта история более двадцати лет не имеет завершения, и кости основателя Москвы так и лежат завернутые в пожелтевшие листы «Литературной газеты» в картонном ящике из-под печенья на стеллаже в одной из подсобок на территории лавры. Сам видел поздней осенью восемьдесят девятого. Вот так...

208 КИЛОМЕТРОВ СЕДОЙ ИСТОРИИ

Ровно 230 лет назад, 5 мая 1782 года, началось строительство знаменитой Военно-Грузинской дороги. Ее начали строить по предложению грузинского царя Ираклия II. Он поставил это одним из важнейших пунктов Георгиевского трактата. Дорогу строили до 60-х годов девятнадцатого века. И строили ее все – грузинские крестьяне, осетины, русские солдаты, казаки, немецкие колонисты, питерские и берлинские инженеры... Она стала шедевром строительного искусства и одной из важнейших достопримечательностей Северного Кавказа и Грузии. Сказать по правде, на ее месте во все времена существовала очень серьезная историческая тропа, в древности – караванный путь. Она была наиболее удобным местом пересечения Главного Кавказского хребта. По ней шли и караваны с товарами, и армии завоевателей. Военно-Грузинская дорога не длинная – всего 208 километров от Тбилиси до Владикавказа, который специально был построен для охраны этого пути. И сейчас это современная трасса с хорошим шоссе покрытием, по которой в обоих направлениях бесконечной вереницей движутся колонны фур с грузами. Обе стороны – и грузинская, и российская – осуществляют

уход за дорогой и ведут, в случае надобности, ремонтные работы на ней. По пути встречаются седые суровые твердыни, башни и крепостные стены, старинные храмы. Она проходит мимо древней столицы Грузии Мцхеты и знаменитого монастыря Джвари. Наверное, каждому хотя бы раз следует проехать по этому удивительно живописному пути минуя величественный заоблачный Казбек и Дарьяльскую теснину – это самый настоящий музей под открытым небом.

90 ЛЕТ ТБИЛИССКОМУ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМУ ИНСТИТУТУ

12 мая 1922 года на объединенном заседании комиссии Наркомпроса Грузии и ректората столичного университета было принято решение о создании специального политехнического факультета подготовки инженеров для развивающейся промышленности молодой республики. Через шесть лет на его базе был создан Грузинский политехнический институт, который стал настоящей кузницей кадров для горнодобывающих предприятий, заводов тяжелой промышленности и конструкторских бюро. За долгие годы этот институт несколько раз менял свое название, но неизменно сохранял свою тенденцию к

улучшению качества образования, усилению профессорско-преподавательского состава, созданию новых учебных и исследовательских лабораторий. Знаменитые геолого-разведочный, архитектурный и энергетический факультеты стали визитной карточкой института. В настоящее время ГТУ – это крупный вуз, состоящий из восьми факультетов, на которых учится около 20 тысяч студентов и магистрантов, и преподают им около полутора тысяч лекторов. Гордостью тбилисского политеха по-прежнему остается научная библиотека в полтора миллиона томов и уникальная подземная лаборатория, представляющая собой полностью оборудованную шахту для обучения будущих горняков.

Роб АВАДЯЕВ

TRUST СТРАСТИ

Вообще-то, личного знакомства с поэтами следует старательно избегать.

Особенно с теми, чьи стихи вы полюбили.

Прекрасные стихи – это самостоятельная субстанция, и они, как известно, всегда больше, лучше и умнее автора. Они делают нас свободными, прощают и милуют, как великодушный король несправедливого осужденного, отпускают грехи и выводят на вольную волну из душевной темницы.

А автор не лучше и не умнее своих стихов, он обычно другой, совсем другой. И потом – «все они поэты», да не все – «красавцы»...

Но если вам выпало-таки познакомиться с любимым поэтом, это значит, что вы в любом случае не останетесь в выигрыше. Познакомившись, вы либо разочаруетесь, либо влюбитесь. И то, и другое не поправимо.

Александр Кабанов не разочаровывает.

Если представить, что поэзия – (да простит мне добрый читатель незамысловатое сравнение!) море, то Кабанов – это одновременно мореход и корабель, капитан и юнга, пират и спасатель, сам себе море и сам себе корабль... Он пишет только так, как он, и за ним уже давно выстроилась длинная очередь подражателей.

Для Кабанова в языке и поэтике словно бы нет аксиом, а если они и есть, то он их подтверждает, пытаясь опровергнуть. Отсюда – эта невероятная свежесть, настоящее волнение, смущающее душу и тело... А еще – надежность. Стихи Кабанова сделаны так сильно, сбиты так крепко, что развалить их, пожалуй, невозможно.

Нам остается только отдалиться, довериться. «Trust страсти», как просил и советовал Андрей Вознесенский. И – если акт доверия состоялся, и вы – в его лодке, тут-то и начнется самое интересное.

Поэтому – всем спокойно. И добро пожаловать в шторм. А там – по морю аки по суху...

...И все-таки – никогда не знакомьтесь с поэтами. Любите их на расстоянии. Так безопаснее.

- Саша, зачем человеку читать стихи?

- Та-а-ак, начали со вселенских вопросов...

- Вы легко можете отшутиться.

- Это Кенжеев может легко отшутиться, у него большой опыт давать ответы на вселенские вопросы. В отличие от меня... Давай возьмем изначально, что стихи читать надо. Примеримся к этой аксиоме и посмотрим, что получится. Есть надо? Надо. А музыку слушать надо? И тут аксиома начинает трещать по швам. Современный человек вполне обходится без стихов, потому что появилось очень много других удовольствий. К примеру, интернет, где человек может говорить от первого лица, проявить себя, каким-то образом влиять на других людей, с кем-то дружить, кого-то ненавидеть... Вопрос, наверное, надо поставить так: нужно ли конкретному человеку читать стихи? Но тот, кто их читает, такими вопросами не задается.

- Как начали читать вы?

- Как это обычно бывает, мама в детстве мне читала детские стихи. Но я из тех людей, для кого чтение стихов – это и духовная (пафос, но это так), и физиологическая потребность. Хотя я могу месяцами стихи не читать.

- Никакие?

- Никакие, абсолютно. Но здесь уже влияет профессия – когда ты занимаешься журналом, и идет поток какой-то рифмованной и нерифмованной продукции, ты начинаешь читать стихи не ради удовольствия, а по работе...

- Читаете внимательно или по диагонали?

- Этим делом я занимаюсь с шести лет и могу очень быстро и легко понять, насколько это стихи или не стихи. Чаще всего, это не стихи или обычные, нормальные стихи. Не открытие. Было бы странно, если бы открытия встречались через раз.

- А как часто они встречаются?

- Сейчас, когда мне 43, все реже и реже. Но это уже проблема человека, который отягощен поэзией. Свои произведения присылают сотни авторов, и в этом огромном потоке ты выбираешь, скажем, из сотни – одного.

- Сегодня в русской поэзии расцвет или упадок? Мнения самые разные...

- Я уже не раз говорил, что сейчас – бриллиантовый век русской поэзии. Я склонен к оптимизму, не потому, что я такой оптимистичный человек, и не потому, что мне так уж хочется видеть себя среди бриллиантов мерцающим, как равный...

- А разве это не так?

- Ну, тебе виднее.

- Правильно.

- Читателям и критикам, живущим в данном отрезке времени, сложно оценить происходящее, находясь внутри процесса. Они имеют дело с живыми людьми. Я считаю, что можно назвать 20-30 поэтов, как сейчас модно выражаться, первого ряда. А сравнивать их с поэтами Серебряного века – это все равно что мальчишкам пиписьками мериться. Нельзя сравнивать, например, Льва Лосева и Владислава Ходасевича. Если упереться рогом, можно, конечно, и сравнить. Но поэты велики по-своему.

- Но ведь в каждый период – будь то Золотой или Серебряный века – были очевидные лидеры.

- Они и сейчас очевидны. Вернемся к интернету. Сейчас молодой автор может публиковать свои стихи,

Александр Кабанов

невзирая на оценку экспертов, и собрать аудиторию гораздо большую, чем толстый журнал. Появились совершенно иные способы лоббирования собственных текстов. За небольшие деньги можно издать книгу, поставить ее в магазинах, и она может иметь успех. На протяжении десятков лет для молодого автора была система координат для входа в литературное сообщество: главным условием было, чтобы стихи были хорошие, потом следовала некоторая процедура инициации. Сейчас все эти вещи отсутствуют, критики, культуртрегеры, редактора журналов и поэты находятся в некоторой растерянности. Потому что интернет, помимо того, что он – орудие продвижения стихов вне лите-

ратурной среды, еще и сглаживает иерархию – вершины есть, но они не столь заметны. Например, человек в интернете пишет прекрасные стихи. Тут же в сети у него возникают подражатели, у этих подражателей появляется своя армия подражателей, которые не догадываются о первоисточнике.

- И все забыли, кто первым обработал делянку.

- А он где-то есть, ему немного обидно, что так происходит... Печаль не в том, что непонятно, кто избрал велосипед и кто первую лампочку зажег. Просто раньше, когда существовала иерархия экспертного сообщества, талантливые молодые поэты из разных республик очень быстро брались за заметку, обрабатывались критикой, и было понятно, что мы имеем дело с открытием. И когда поэт публиковался в «Новом мире» или «Знамени» и какой-то солидный критик писал о нем, читатель понимал, что это явление, и оно обозначено определенным образом. Тем более что тиражи были миллионные. А сейчас происходит следующее. Возникает некий яркий автор, замечается литературным сообществом. Но что это сообщество может дать? Ну, публикацию в профессиональном журнале, у которого тираж 2-3 тысячи, а не 2-3 миллиона. А у его подражателя аудитория в интернете – 80-100 тысяч человек, он более активен в интернет-жизни, у него больше времени заниматься самопродвижением.

- И эпигон обскакал поэта.

- Мгновенно. А потом он вполне может предъявлять претензии к основоположнику – ты чего у меня тыришь-то? Такая система.

- А как вы начинали?

- У меня все происходило и происходит само собой – встречаются хорошие люди, которым интересны мои стихи. В детстве и юности мои стихи публиковались в разных журналах и альманахах – украинских, всесоюзных. Первую в своей жизни поэтическую премию получил в журнале «Парус» - целых 60 рублей. Кстати, у «Паруса» был миллионный тираж.

- Вам хотелось публиковаться?

- Я был мальчик 13-14 лет, что-то писал и просто посылал. Иногда где-то публиковали, иногда приходили отказы – из «Пионерской правды», например. К университету я пришел уже с большим количеством публикаций. Это была какая-то лирика, я ее сейчас уже и не помню.

- Не сохранили?

- Да есть где-то. Мама все собирает. А дальше – факультет журналистики в университете, армия.

- Вы служили?

- Да, два года. Сначала под Питером, потом – полтора года в Германии.

- Легко служилось?

- Служится вообще нелегко...

- Вы были книжным мальчиком или уличным?

- Пятьдесят на пятьдесят, наверное. Херсон – город со своими бандитскими районами. Город-порт, город рыбаков, корабелов. Город ссыльных. Коста Хетагуров, например, был туда сослан. Родина футуристов, первые публикации Бурлюка и Крученых были в Херсоне. Там вышли первые сборники футуристов «Дохлая луна», «Затычка», «Молоко кобылиц». Это город смешанного типа. «Банда из Херсона прибыла в Одессу»... Криминальный элемент, конечно, присутствовал. Был двор. И были книжки, которые доставались с огромным трудом. Меня в равной степени воспитывали книги и двор. Были драки – двор на двор. И в то же время сдавали макулатуру, чтобы получить хорошую книжку.

Каждый день – обход книжных магазинов в надежде найти что-то интересное. Не было интернета, но были литобъединения, в которых собирались очень интересные люди – Марк Боянжу, Толя Кичинский, который ввел меня в украинскую литературу, привил любовь к украинскому языку... В общем, я рос на срезе украинской культуры в русскоязычном городе.

- Если бы вам, двенадцатилетнему, задали вопрос: «Саша, кем ты хочешь стать?»

- В 12 лет все было решено. Я понимал, что пишу стихи, и что-то мне подсказывало, что это главное. Но я же параллельно ходил в морскую школу, писал какие-то материалы как журналист, играл в шахматы, занимался вольной борьбой. Мы строили яхты. Была реальная жизнь. У нас не было возможности проводить свою жизнь в онлайн, сидеть в безопасности, придумывать себе какие-то личности и заниматься так называемой духовной интернет-жизнью. Все было по-настоящему. А когда я вернулся из армии, был 1989 год, перестройка... В Киеве заработали какие-то новые литобъединения, университет начал проводить литературные конкурсы. Жизнь стала живее. Пошел самиздат. Ведь украинского самиздата, в отличие от российского, не существовало. В Москве ходили по рукам стихи Бродского, «Метрополь»... В Украине такого не было, и знакомство с творчеством Бродского, например, у меня состоялось в армии. В нашей части была шикарная библиотека – в Херсоне или Киеве я о такой мог только мечтать. Новинки литературы, свежие толстые журналы, на которые в Херсоне можно было подписаться лишь по благу... И как-то, листая «Знамя», я прочитал: «Ночной кораблик негасимый из Александровского сада»... Обычно я читал так: а, туфта, я лучше напишу. А тут – бабах... Мне повезло в том, что с Бродским как поэтом я познакомился, когда уже

сам что-то умел, и его влияние на меня пошло по кольязящей. Если бы мне эти стихи попались лет в 12... Не знаю, подпал бы я под влияние или нет – тут уже ничего не скажешь. В любом случае –

это проверка большим поэтом себя.

- Вы не встречались с ним?

- Нет. И может быть, это к лучшему. Хотя кто-то из моих киевских друзей был знаком с ним, переписывался, какие-то мои стихи отправлял и даже показывал ответ: «Присылайте еще»... У Бродского сейчас появилось очень много друзей. Так же, как и тех, кто спас мир от Чернобыля. Как и друзей Высоцкого. А когда я прочел Бродского впервые, он был поглощен мною, адсорбирован и остался одним из самых моих любимых поэтов.

- А были еще такого рода потрясения?

- Пожалуй, нет. В других случаях цепляли какие-то куски, отрывки. Например, много было потрясений от текстов Ходасевича, Мандельштама... Я все это начал читать довольно поздно. Были сборники русской поэзии начала века, изданные при советской власти, но они все были выхолщены. Про акмеистов писали с большой иронией, чуть ли не с пренебрежением. Основной массив представлял собой патриотическую поэзию, стихи про партию и революцию... И – немного загнивающих товарищей типа Ходасевича, Белого, Иванова. И лет в 20 мне пришлось все читать заново и перечитывать... А потом ты уже неумолимо двигаешься дальше и по ходу попадаешь в те или иные поэтические ситуации – встречи с новыми текстами, рукописями, разборами стихов... Все эти моменты возникают по течению жизни сами, ты их не придумываешь. Ты не вычерчиваешь карту своей литературной судьбы, не планируешь встречу, например, с Борисом Чичибабыным – вот, он большой поэт, надо с ним встретиться, прирашу-ка эту встречу к своей биографии. Или там – надо каким-то образом в «Новый мир» стихи отправить, это важно. В этом смысле я человек брезгливый и ленивый, и совершать такие действия для меня невозможно. Ну не вяжется это с моей логикой! Я понимаю людей, которые способны на такие поступки, среди них есть хорошие люди. И я не считаю, что это плохие поступки, просто мое естество этого не приемлет... А вообще об этом лучше спрашивать критиков – они очень четко разложат по полочкам, как должен поступать хороший поэт.

- Существует кодекс правил?

- Я думаю, что да. Иначе поэты не смотрели бы друг на друга, стоя по углам хмурыми кучками и перебарщиваясь кашками. Я стараюсь проскочить мимо...

- Тяжела жизнь в литературном сообществе?

- Не знаю. Я там не живу. Я вне литературного закулисья. Потому что добрые люди всегда стараются поссорить поэтов, уверяя их, что кто-то хочет откусить у них кусок поэтического пирога. У меня есть друзья. Одни пишут хорошие стихи, а другие стихов не пишут. Мне всегда приятно и гармонично с Цветковым, Кенжеевым, людьми, близкими по мировосприятию. Я не могу думать о том, что получу от этого, напишет ли Цветков предисловие к моей книжке и вырасту ли я из старшего лейтенанта в капитаны? Мы никогда друг к другу с такими просьбами не обращались, потому что дружба строится совершенно на иных вещах. С друзьями просто дружат. Просто стихи читают друг другу.

- У вас, видно, в жизни на первом месте – привязанности, а потом, может быть, интересы...

- Я думаю, что на самом деле у меня никаких литературных интересов и нет. Есть только привязанности. Бывает, поэт мне нравится, но я стараюсь не приходить на встречи, боюсь, что на человеческом уровне

меня будет ожидать разочарование. Зачем? Мы и так – дистанционно – вполне любим друг друга. Да, нам нравятся стихи друг друга, а встреча вживую – это всегда риск.

- Саша, вы людей любите?

- Я люблю конкретных людей...

- Ну, вот приходится вам общаться с незнакомым человеком. Вы изначально расположены, или насторожены, или равнодушны?

- Я ничего не думаю, ни на что не настроен и никогда не даю оценку. Это все на уровне дождя и снега. Мы пообщались с симпатичным человеком – это как дождик хороший прошел... Я люблю просто общаться с людьми, когда нам друг от друга не надо ничего, кроме светлого общения.

- Новые дружбы возможны в вашей жизни?

- Возможны. Например, Леша Остудин – это новая дружба, которой лет пять-шесть. Есть добрые приятели. Вполне возможно, что приятельство перерастет в дружбу.

- То есть вы допускаете, что в возрасте за 40 может появиться новый человек, который станет настоящим другом?

- Да. В моей жизни – это Володя Костельман. Но я иногда очень сильно разочаровываюсь – не в человечестве в целом, а в конкретных персоналиях. Был добрый приятель, а вдруг что-то оборвалось во мне...

- Прощаете легко?

- Да.

- Прощаете один раз?

- Миллион. Потому что я – независимое государство со своими границами и внутренней валютой. Если варвары просто подошли к границе, я всегда даю им шанс понять, что не стоит вторгаться, и с миром уйти. Но если происходит прямое вторжение, я могу быть жестоким.

- Не жестким, а жестоким?

- Жестоким. Мало не покажется.

- Если я спрошу вас о вашей поэтической кухне, это будет прямое вторжение?

- В большей степени – да. Но учитывая, что меня очень часто спрашивают о том, как я пишу...

- Я не о том, за столом вы пишете или в ванной, от руки или на компьютере...

- А во всем остальном – это интимная вещь.

- Помните фрагмент из нобелевской лекции Бродского о том, «начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит

дальше, чем он рассчитывал»?

- Да, и о том, что язык заводит тебя туда, куда ты сам и не ожидал...

- Он говорил, что поэт – раб языка.

- Это легкое, приятное рабство. Счастливое. Когда поэт говорит: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын» - это о том, что поэт сам не ожидал, насколько он великолепен. В конце концов, слово тебя побил, но в данной ситуации Спартака не распяли - он, раб, наоборот, победил. Я не чувствую рабства. Просто на каком-то этапе понимаешь, что тебя кто-то очень красиво ведет. Нужно не суетиться, не спугнуть, не совершать резких движений. И ты этот момент чувствуешь сразу же. На самом деле такие случаи, когда мурашки по коже и фейерверк, в полную силу происходят довольно редко. Но это тот самый кайф, на который ты подсаживаешься. И потом идешь все дальше и дальше, чтобы получить его снова и снова.

- А каким образом в поэтическом деле совмещаются божий дар и ремесло?

- Ремесло – это инструментарий. И любому поэту ясно, что часть его он придумал сам, часть была кем-то неосознанно потеряна или использовалась не так. Условно говоря, у кого-то был скальпель, но он им колбасу резал. А ты его нашел, поточил, положил перед собой, вот он, у тебя лежит. Твой инструментарий тебя до поры до времени удовлетворяет. Но потом ты понимаешь, что его не хватает, что твой вкус значительно опережает твои возможности, говоря словами Гандлевского. И наступает некий этап, когда ты можешь написать стишок, и написать неплохо, но делать этого уже не будешь. Потому что для тебя не происходит чуда, и прорыва в этом нет.

- А если пойдет такая полоса, надо перестать писать?

- У меня есть огромный файл, где собраны отдельные строчки. Понимаете, будущее стихотворение я заранее чувствую на уровне запаха, вкуса, но бывает момент, когда я пока не понимаю, как его сделать.

- То есть оно уже где-то есть?

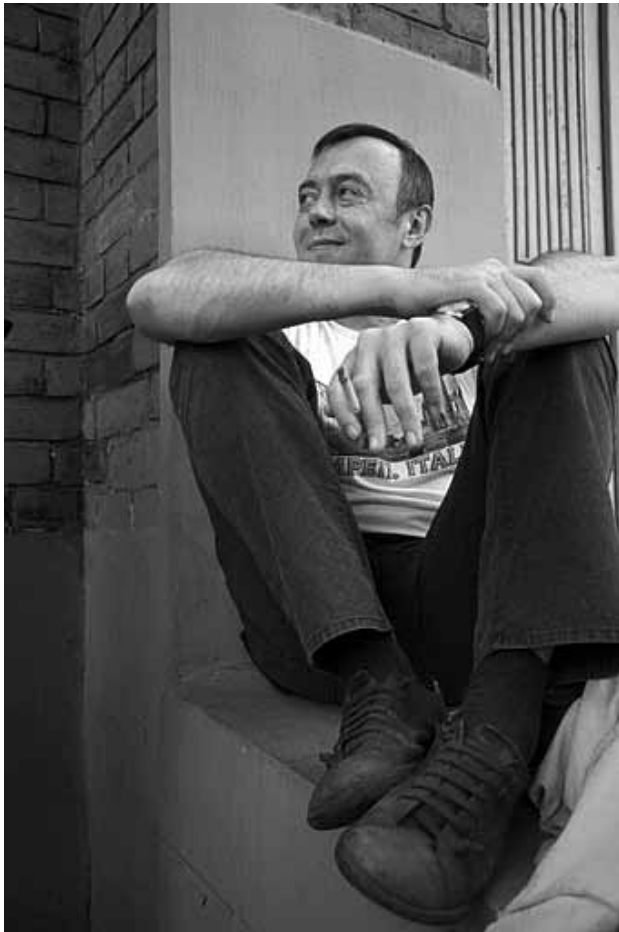
- Абсолютно да. Когда долго пишешь стихи, ты можешь полностью в своем сознании создать картину готового стихотворения. Но пока у тебя нет этой щебенки, стихотворение не готово.

- Эта самая щебенка – техника или вдохновение?

- Если бы это была техника, я этой щебенки набросал бы гору из старого арсенала. Но хочется-то совершенно иного. Повторяться не стоит.

- Как вам кажется, читателя легко обмануть?

- Вопрос в том, согласен ли он обманываться? В большинстве случаев – согласен. Я читателя не люблю. Естественно, я не говорю про людей вменяемых – их очень немного – которые не стремятся встретиться с автором, вступить в переписку, фотографироваться, прикоснуться... В основном читатель как потребитель – жаден. Он очень коварный и корыстный. Даже влюбившись в твои стихи, он идет к поглощению тебя – давай, еще больше колбасы! Дело делай, где стихи новые, давай еще! О-о-о... И вот тут наш с ним секс заканчивается. Он мной наслаждался, и считает, что Кабанов сдулся. А все нежные слова, которые он мне шептал в темной аллее – «ты мой бог, мой гуру», забыл и выбросил на помойку. Вся читательская любовь именно такова, вся. Читатель думает, что его ведет любовь, а его ведет жажда убедиться – а, поэт такой же, как и я. Он даже хуже, чем я. Гнуснее. Это попытка...

- Развенчать своего же кумира?!

- Да. Он хочет страсти из сериала. Он хочет, простите, меня употребить, скушать и найти другого. А потом наступает усталость и ненависть... Понимаешь, я мог бы наговорить очень много благородных слов. Вот ты спрашиваешь, люблю ли я людей? Я люблю конкретных замечательных читателей. Такой читатель не столько берет, сколько отдает. Он любит твои стихи, и у него это тихая, нежная, юношеская любовь, неважно в каком он возрасте. Он не позволит себе внедриться за границы моего государства в том смысле, что «раскройте ваши тайны, я вас обожаю, кто ваша жена?» У моего любимого читателя есть внутренний такт и нежность отношения. Вот такого читателя я люблю.

- В вашем живом журнале вы как-то ссылались на некую поэтессу, которая написала хамские слова вслед ушедшему из жизни Вознесенскому. Вы ответили очень резко...

- Вознесенский – один из ключевых поэтов для меня. Которого, кстати, в те времена как-то можно было достать и почитать. Но в данном случае дело не в самом Вознесенском и не в том, что он сделал для меня как для поэта. А в том, что когда умирает человек, любимый народом, и я вижу какие-то грубые, желчные вещи... Для меня очень важно быть благодарным. Если у меня спросят, сильные ли прозаики Жюль Верн, Дюма, Конан-Дойль, и я скажу что они слабоваты, потому что уже прочитал Маркеса, Борхеса, я предаю свою собственную юность. Ведь я зачитывался этими авторами. Они сформировали меня, мой романтизм, этику моего подросткового поведения, они подарили мне массу приключений, я вырос с ними. Я хочу двигаться дальше как читатель. Да, Жюль Верн как прозаик слабее Кортасара. Но от этого он для меня

не менее велик и значим.

- А в отношениях с людьми? Не бывало так – человек был частью вашей жизни, а потом то ли вы его переросли, то ли отношения умерли естественной смертью, то ли он вам стал неинтересен... Вы откажетесь от таких отношений?

- Человек, в отличие от книги, по ходу жизни становится другим. Я вспоминаю наш прекрасный класс – отличные были ребята. Несмотря на какие-то подростковые ссоры, это было чудесное время... Но проходит лет 10-15, встречаются одноклассники – они стали совершенно другими людьми. Чужими. Каждый счастлив, но наши счастья не пересекаются. Конечно, я хамить не буду, мы посидим-выпьем-пообщаемся, но все равно – мы люди разных общностей, и лучше бы мы не встречались, лучше бы я просто вспоминал нашу дружбу, когда нам было по 13 лет.

- А ваши тексты, написанные давно? Они не становятся другими. Ваше отношение к ним меняется?

- Предать их ни в коем случае не смогу. У меня бывают такие кризисные, что ли, промежутки жизни, когда не пишется. Был период, когда я не писал восемь лет.

- Почему?

- Так получилось. Я журналистикой занимался, как-то охладел к поэтическому бытованию, появились другие приоритеты – ребенок, счастье жены. И не писалось просто. Я пытался, что-то по одной строчке карябал, но все разваливалось, рассыпалось... Как я ни упирался лбом, не получалось.

- Не страшно было?

- Нет. Я был уверен, что все решится само собой, что еще будут стихи. Так вот, в такие моменты открываешь именно свои старые стихи и с большим удовольствием их перечитываешь. Ты возвращаешься. У тебя есть твоя маленькая родина, где тебя никто не предаст. Неважно, что те стихи были простенькие. Но в них была вибрация честности по отношению к самому себе. И неважно, какая там рифма была. И я знаю, что есть поклонники, которым нравятся мои стихи именно того периода – любовь, романтика, простота...

- Вы можете дружить с тем, кто вообще не читает ваших стихов?

- Конечно! Я даже это предпочитаю. Потому что всегда есть сомнение, а насколько твои стихи действительно нравятся, не имитация ли это оргазма?

- Как у миллионера всегда есть подозрение, что любят не его, а его деньги.

- Точно. Для меня гораздо более ценно, когда я общаюсь с человеком, который даже не знает, что я пишу стихи, а потом они ему где-то попадают, и он мне говорит: «Слушай, мне так понравились твои стихи, я и не знал, почему ты скрывал, какой ты подлец!» Вот это самый замечательный вариант.

- Вы не писали восемь лет. Как реанимировались?

- Это был 2002 год, я сидел и думал – жене исполняется тридцать лет, что бы ей подарить? А рядом сидел хитрый и коварный (в хорошем смысле) Дима Бурого, издатель. Он спрашивает: «Когда у тебя книжка вышла?» - «В 94-ом, «Время летающих рыб» - «Так чего же ты думаешь? Собери свои стихи и подари жене книжку любовной лирики». Это был прекрасный выход – не надо было по магазинам шастать, выбирать, покупать и ошибаться. И Дима издал книгу «Ласточка» - она посвящена моей жене. Книга вышла, стала литературным фактом, издатель начал ее как-то двигать, устроил один мой вечер, другой... Мне стали предлагать публи-

коваться. И как-то сами собой пошли писаться стихи. Я стал более активным в интернете, появились новые приятели и знакомые, расширился круг общения. Это был период, когда вообще что-то щелкнуло в литературном мире. Появилось более организованное, яркое и насыщенное поэтическое пространство, возникло много новых интересных авторов. И все лакуны и дыры у меня были заполнены поэзией, которую я до того не читал. И все это одно за одно крючочками начало цепляться и вытягивать меня из неписания. Я уже не раздражался, а плыл по течению, которое возникло само собой. Книги пошли, премии...

- Как вы относитесь к литературным премиям?

- Во многом это условная вещь. К примеру, в советское время Окуджава, Евтушенко, Вознесенский, Рождественский заняли свои ниши. Они получили некие блага, им разрешали немного критиковать власть, чтобы у власти было и это. Но если бы уехал Вознесенский, а Бродский остался, то Нобелевскую премию получил бы Вознесенский. А Бродский стал бы лауреатом Государственной премии СССР.

- Вы честолюбивы?

- Очень. Но я к премиям не шел, к публикациям не стремился, все происходило само собой. Я начал обростать приятными мне людьми...

- Вам, наверное, из трех мушкетеров был ближе Атос. Он лежал на диване и ждал, когда к нему сама придет экипировка.

- Да, наверное. Но мне еще ближе сыщик Ниро Вульф. Он никогда не выходил из дома, но совершал единственно верные движения. Мне нравится, что он не мечется, имитируя работу. Это ленивое сидение, но глобальная концентрация в поиске решений.

- Я не могу не задать вопрос, который вам, наверное, не понравится. Все, кто пишут о вас, не могут обойти стороной некоторые очевидные особенности вашей поэтики – игры со смыслом и звуком, семантические каламбуры, переосмысление традиционных значений слов и т.д. Вдруг наступит такой момент, когда это станет приемом ради приема, и вы станете его заложником?

- В основном, те, кто так пишет, – люди небольшого ума. Из той массы статей обо мне, которые я читал, есть несколько интересных авторов, которые нашли время и погрузились в то, что я делаю. А в основном – как это пишется? Ну, заказала редакция рецензию какой-то девушке. Она нагородила филологических словес и написала о самом явном. А что самое явное? «Айловьюга», неологизмы... Да, справедливо, есть неологизмы. Но ведь в моих первых книжках неологизмов почти нет. Книжек девять, а в первых четырех их нет. Нужно углубиться, подумать и поработать. А видеть только неологизмы – значит скользить по поверхности. Легкий путь.

- Саша, можно блиц? Ваше отношение к деньгам?

- Мне нужно тумбочку, из которой я мог бы доставать деньги. Но такой тумбочки нет. Приходится работать. Ведь у нас сложилось так, что стихи – это бесплатно. В XIX веке стихи писали богатые люди. В XX – известные поэты имели известные блага. Сейчас литературного рынка нет.

- За свои стихи будете торговаться?

- Никогда.

- А бесплатно отдадите?

- Конечно.

- Любите путешествовать?

- Люблю. Два дня там, два дня здесь. Но, куда-то

приезжая, люблю жить так, как будто я буду жить здесь всегда – пойти за газетой, сходить в парикмахерскую... А что, в 25-й раз фотографироваться на фоне Эйфелевой башни?

- А может, это она на вашем фоне фотографируется?

- Возможно.

- Вы стеснительный человек?

- Я стесняюсь всегда. Все мое поведение – это преодоление застенчивости.

- Говорят, из таких людей получаются хорошие артисты.

- Не из меня. Актерство разрушает душу. Актер даже в туалете не может быть самим собой.

- Вы способны быть самим собой?

- Вообще-то человек никогда самим собой не остается. Вот в данный момент ты человек добрый или злой? Можешь ответить? Ты внезапно добра и внезапно зла, но объяснить этого не можешь.

- Зачем вы занимаетесь журналом?

- Я журналист, и журнал о культуре – это то, что я свободно и с удовольствием делаю.

С Алексеем Остудиным

- Не хотелось покинуть Украину?

- Это моя родина. Зачем мне уезжать? Я и так могу поехать куда хочу.

- Вы домостроевец?

- Я собственник. Почти кавказец.

- Вы хороший отец?

- Я – одна большая мама.

- Любите театр?

- Я в театре засыпаю. Балет очень волнует, но этот стук пуантов...

- Ваше отношение к политике?

- Это не для меня. У меня есть моральные запреты.

- Что вы сейчас читаете?

- «Гоголь» Золотусского из серии ЖЗЛ.

- Чем займетесь, когда мы закончим разговаривать?

- Пойду покупать Леше Остудину глиняного ослика. Он купил его в прошлом году, а дочка разбила. Вот он мне из Лондона звонит – задолбал уже этим осликом. Покупает всякую дребедень...

- Почему мне пришлось так долго уговаривать вас на интервью?

- Я не люблю интервью. Я привык всегда отвечать за свой текст. А в разговоре – мало ли что я тебе брякну.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ЗАЖГИ СВОЙ ОГОНЬ!

В конце мая миллионы зрителей замирают в ожидании нового победителя «Евровидения» - счастливчика, который будет определять погоду на музыкальном Олимпе до следующего года. В 1974 году этим счастливчиком стала «АББА», в 2012-м им может стать грузинский певец Анри Джохадзе.

«Евровидение» - конкурс эстрадной песни среди стран-членов Европейского вещательного союза. От каждой страны в конкурсе участвует один представитель – солист или музыкальный коллектив, исполняющий песню длительностью не более трех минут. Во время выступления, проходящего в прямом эфире, на сцене должно выступать не более шести артистов одновременно. После выступления всех участников наиболее популярная песня определяется путем голосования телезрителей и жюри, в котором участвуют все страны, выступавшие в финале и полуфинале. Конкурс проходит ежегодно, начиная с 1956 года, и является наиболее популярным неспортивным мероприятием в мире, с аудиторией до 600 миллионов зрителей.

Финал конкурса традиционно проходит в одну из суббот мая. На этот раз 26-го. Полуфиналы конкурса пройдут 22 и 24 мая. В этом году в «Евровидении» примут участие 42 страны, в финал пройдут только 26.

«Евровидение-2012» станет 57-м по счету, оно пройдет в столице Азербайджана, в специально построенном для фестиваля Бакинском кристальном зале вместимостью до 35 тысяч мест на площади Государственного Флага. На строительство площадки было выделено пятьдесят миллионов манатов (около 48 миллионов евро). В преддверии столь масштабного мероприятия президент Азербайджана Ильхам Алиев распорядился упростить регистрацию виз и аккредитацию для граждан других государств, приезжающих в Баку в связи с конкурсом.

Азербайджан проводит конкурс впервые. Право провести его страна получила после того, как в 2011 году в

Дюссельдорфе дуэт «Ell& Nikki» с композицией «Running Scared» занял первое место, набрав в финале 221 балл.

Визуальной темой конкурса названы ярко-красные узоры, а также логотип в виде огненного цветка и девиз – «Light your fire!» («Зажги свой огонь!»).

Участник от Грузии – Анри Джохадзе поет с четырех лет. Сегодня ему 31. Его называют одним из самых талантливых и перспективных грузинских исполнителей.

В восемь лет был солистом детского оперного театра при Тбилисском театре музыкальной комедии. С отличием окончил Государственную академию искусств. Истоками своего творчества считает народные песни «Мравалжамиер», «Чакруло», сванские напевы и другие образцы грузинского фольклора.

Обладатель призовых мест и Гран-при «Украинского международного конкурса» (1998), «Славянского базара» (1999), конкурсов «Золотой шлягер», «Радуга Кавказа», «Варна-2003», «Астана-2004», «Golden Stage» (Румыния), «Шанхай-2004», «Море друзей – Ялта-Киев-Транзит», «Эилат-2007» (Израиль), «Песни моря» (Украина).

Финал национального отбора Грузии в этом году собрал девять участников. Кроме Анри Джохадзе, на сцену выходили Борис Бедия, Эдвард Татиани, Леван Джигладзе и группы November, Vanilla Cage, Mirror Illusion, REMA и Industrial City. После выступления последнего исполнителя в прямом эфире государственного канала состоялось sms-голосование. Единогласным решением жюри и телезрителей представителем на «Евровидение-2012» от страны был выбран Анри Джохадзе с песней «I'm a Jocker» (авторы – Русудан Чхаидзе и Биби Квачадзе).

Музыкальные эксперты и продюсеры возлагают на певца большие надежды. Они уверены, что у него есть все шансы взойти на музыкальный Олимп Европы и привезти конкурс «Евровидение» в Грузию.

Перед поездкой в Баку Анри Джохадзе побеседовал с корреспондентом «РК».

- Анри, каким было ваше первое ощущение, когда вы узнали, что будете представлять Грузию на «Евровидении»?

- Не помню, если честно. Кажется, немного растерялся. Я так долго шел к этому, что никаких особенных переживаний, пожалуй, не было. Не знаю, хорошо это или плохо. Нет, ну, конечно, я обрадовался.

- Почему вы выбрали образ Джокера для вашего выступления?

- В песне заложен определенный смысл. Это история о человеке, который всегда наедине со своими проблемами, немного одинокого, но который всегда старается сделать праздник для окружающих. Идея клипа в том же – создать праздничное настроение. Джокер никогда не покажет своей печали и своих проблем. Такой вот человек-праздник. Хотя он всегда остается один. Я думаю, это проблема всего мира – не показывать своих эмоций.

- Ваш творческий имидж сильно отличается от того, какой вы на самом деле?

- Разница небольшая.

- Или большая? Ваши друзья говорят, что в жизни вы совсем другой человек, нежели на сцене.

- Я не согласен с тем, что мой имидж воспринимается, как скандальный. Скандальный человек в моем понимании, это тот, кто открыто критикует и оскорбляет сво-

Кадр из клипа Анри Джохадзе

их коллег, ведет себя вызывающе. По международным меркам я совсем не скандалист. Я не понимаю, почему моя персона так воспринимается. Думаю, просто путают людей, которые выпадают из общего контекста, непохожих, с людьми скандальными. Я коммуникабельный, уважаемый, признанный. А скандалисты – всегда сомнительные личности. Их талант ввиду их поведения часто ставят под сомнение. Возникает вопрос, а не подменяется ли талант скандалом и шумихой? Поэтому я и говорю, что не удовлетворяю эти критерии.

- Вы – автор ваших клипов. И не только.

- Да, я сам пишу сценарии для своих клипов, сам их снимаю и монтирую. Снимаю клипы для коллег. Одна из последних моих работ – клип для замечательной певицы и моего друга Верико Турашвили. Мы сняли его в театре Грибоедова. На съемки клипа не потратили ни одного лари. Это еще раз доказывает, что если чего-то очень захотеть, все получится.

- Если бы Анри Джохадзе не стал певцом...

- Он стал бы кинорежиссером.

- Вы с юности принимали участие в международных песенных конкурсах. Что вам это дало в профессиональном плане?

- Опыт. Выступая на конкурсах, я был в активном поиске. Я искал свое направление в творчестве. Искал себя. Поэтому и решил принимать участие в различных состязаниях. «Евровидение» для меня – четырнадцатый по счету международный конкурс. И последний.

- Значит, вы себя нашли?

- Я нашел себя, когда почувствовал вкус первой победы в 17 лет на конкурсе в Украине. Это стало для меня отличным стимулом. Правда, я занял только третье место, что считаю большим достижением. Мне интересно заниматься любимым делом. Люблю бороться и не люблю, если мне все подносят на блюдечке. Поэтому мне сложно. Но если ты борешься только чтобы не потерпеть поражение, ты никогда не выиграешь.

- Что для вас главное в вашей работе?

- Результат, отдача. Я говорю о глобальном успехе. Я точно знаю, как делать свою работу красиво. Мне кажется, если люди делают свою работу без энтузиазма, я имею в виду творческих людей, такая работа лишена смысла. Если твои песни не находят отклик у слушателей, ты не ощущаешь своей нужности как музыкант. Служение – вот главное слово. «Евровидение», на самом деле, тоже не потолок, а скорее, возможность мощного пиара, чтобы с твоим творчеством познакомилось как можно больше слушателей. Сегодня я пою на «Евровидении», завтра могу выступить в клубе. И это будет равноценно по качеству.

- Есть распространенное мнение, что шоу-бизнеса в Грузии не существует.

- Шоу-бизнес существует. Но проблема в качестве. Правда, здесь есть и обратная сторона медали – аудиторию нужно воспитывать. Я, в этом смысле, ничего не имею против советской модели. Цензура важна. Но самоденатура еще важнее. Она идет от воспитания, семьи.

- У вас есть мечта?

- Я уже давно ни о чем не мечтаю. Все свои мечты я превратил в цели. И достиг.

- Как вы оцениваете свои шансы на победу в «Евровидении»?

- Не могу сказать. Я понимаю, что это большая политика. Моя задача – выйти на сцену и показать незабываемое шоу.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

ИСТОРИЯ ЛОШАДИ И НЕ ТОЛЬКО

В наше время увидеть на театральной афише сегодняшнюю премьеру спектакля «Холстомер. История лошади» по повести Льва Толстого – почти шок. Во всяком случае, для театралов, смотревших уникальную постановку 1975 года Георгия Товстоногова и сценариста Марка Розовского в Ленинградском БДТ или его телевизионную версию с неповторимым Евгением Лебедевым в роли Холстомера. Этот спектакль называли «театральное чудо XX века», и шел он на сцене более 20 лет. Замахнуться на Холстомера после таких китов у кого поднимется рука?! Конечно, повторить его невозможно, но можно сделать другой, «свой» спектакль.

И такие смельчаки нашлись – в лице Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова и Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Это спектакль-посвящение. «Светлой памяти великих Г.А. Товстоногова и Е.А. Лебедева» - указано в программе спектакля. Память о великом режиссере и педагоге, работавшем в Грибоедовском с 1938 по 1946 г., свято хранит театр, здесь и его мемориальная доска, и память сердца благодарных мастеров людей. Ему, выпускнику московского ГИТИСа, дали возможность поставить на этой сцене свой дипломный спектакль, после чего Акакий Хорава, которому принадлежала тогда «вся театральная губерния» Грузии, поручил 24-летнему режиссеру вести первый актерский курс только что открывшегося Театрального института, которым Хорава руководил.

На нынешнюю премьеру грибоедовцев должна была приехать сестра Георгия Товстоногова и вдова Евгения Лебедева Натела Александровна. Лебедеву в этом году исполнилось бы 95 лет, и память о нем также витает по Тбилиси – именно здесь в русском ТЮЗе он начинал свою актерскую жизнь. Из наших давних бе-

сед с Нателой Александровной выяснились многие подробности. В частности, Товстоногов и Лебедев познакомились не в Тбилиси, как это принято считать – нет, режиссер с актером дружили еще в Москве. Когда Товстоногов уезжал работать в Тбилиси, он предложил другу-выпускнику отправиться вместе с ним в теплые края. И тот согласился – еще и потому, что у него не было зимнего пальто. Лебедев был родом с Волги, отца и мать у него расстреляли, и возвращаться после института ему было не к кому. Молодого артиста взяли в Тбилисский ТЮЗ, и театр снимал для него комнатку, бывшую людскую, в квартире Товстоноговых. Георгий Александрович сразу пригласил его преподавать актерское мастерство на своем курсе, и их студенческие спектакли гремели по всему городу. Тогда еще никто не подозревал, что лет через десять их связь будет не только творческой, но и родственной. Но это случится позже, когда Натела с племянниками переедет жить к брату в Ленинград. А в ту пору для сестры-школьницы, и ее брат, и их постоялец были небожителями – подросткам разница в девять-десять лет кажется космической.

О забываемом прошлом напоминают размещенные в фойе театра фотографии Евгения Лебедева – к премьере подготовлена специальная выставка из 36 редких фотографий. Здесь и знакомые лица корифеев БДТ, и роли, и, конечно, его Холстомер с глубинным пронзающим взглядом. Вот оно, сплетенье времен, судеб, театральных идей и людей. Так что появление нового «Холстомера» в Грибоедовском кажется неслучайным. Это нечто большее, чем обычная рядовая премьеры, на мой взгляд, это лучший спектакль грибоедовцев последних лет. Здесь и память, и громко-голосое звучание нового времени – ведь на сцене все должно быть неизбежно современно.

Постановщик спектакля, он же автор инсценировки – управляющий и художественный руководитель театра Автандил Варсимашвили. Трагическая исповедь по мотивам повести Л.Н. Толстого – обозначил жанр своей сценической версии режиссер. Есть такое понятие – изгой. Неважно, чем ты отличаешься, кто ты – лошадь, овца или человек. Главное, ты не такой, как табун, стадо или толпа. Ты не вписываешься в разрисованную ими картину мира. Холстомер – другой, потому что он пегий. На сцене «пегость» показана броско и символично – белым кругом выделена часть лица актера во круг глаза.

Шерсть пятнами – для остальных ты урод, чужой. Это в табуне лошадей. А в человеческом табуне, или в толпе – не тот цвет волос или кожи, и ты не наш. Или ты стар, но слишком много знаешь, ты тоже ненужный, лишний, как Холстомер. А если кто-то еще и мыслит иначе, чем толпа, и не так смотрит на мир и его законы, он вдвойне изгой. Ни толпа, ни вожаки, управляющие ею, такого не прощают. «Распни его!» - это на все времена, конфликт личности и толпы стар как мир.

Смысловый стержень спектакля подчеркнут в сценографии заслуженного художника Грузии Мириана Швелидзе. Его оформление, как всегда, лаконично и выразительно. Вращающийся круг сцены напоминает о былом лесе, превратившемся в останки деревьев – теперь здесь возвышаются лишь сухие стволы с безжизненными обрубками торчащих веток. Как символ старости, увядания жизни. Так угасает на наших глазах обреченный на одиночество Холстомер. В центре круга стоит самое большое, почти гладкое дерево с дырой в середине ствола, от которого отходят всего две плоские, горизонтально расходящиеся ветки. Символ ясен, это крест распятия. И он станет основным пристанищем для трагической исповеди старого, загнанного мерина в исполнении Валерия Харютченко, а моментами – и для других героев повести, распятых судьбой.

Для начала режиссер дает короткую картину жизни, окружающую Холстомера. В зыбком дыму бродит пьяный мужик Васька, подносит солону Холстомеру, готовому съесть ее, и тут же выбрасывает, оставляя его голодным. На движущемся кругу сцены появляются поющие цыгане, потом пьяный конюший с кнутом, выгоняющий табун под бравурную музыку. При этом молодая кобыла не упускает случая лягнуть старого Холстомера.

Его старость была «и гадкая и величественная вместе». Трагическая жизнь изгоя, никому не нужного, подается режиссером с самого начала и отслеживается на протяжении всего действия.

Хотя в повести речь идет о лошадях, но мы, зрители, воспринимаем происходящее как изгибы человеческих характеров и судеб в отпущенное им для жизни время, узнаваемое нами. А времена, как известно, не выбирают... Актеры не пытаются перевоплотиться в лошадей, они лишь намеками, жестами напоминают о животной природе. Вот табун молодых лошадей на выгоне – резвых, оголтелых, для них нет никаких внутренних запретов. Полные сил забияки с презрением смотрят на грустно-покорного старого мерина и делают ему всякие гадости – лягают, вырывают сено и отгоняют от кормушки, еще и фыркают, брыкаются. При этом Холстомер Харютченко ничему не сопротивляется, покорно принимает их агрессию, даже сохраняет улыбку, продолжая свой рассказ: «Я – чужой, посторонний». Эта улыбка всепрощения, которая уже не покидает старого мерина, дорогого стоит. По точности и пронзительности актерских реакций для Харютченко это одна из самых сильных его ролей. Он умудряется передать свои ощущения, например, от запаха дыма, он старается найти и выделить детское, слабое, нежное в душе Холстомера, в душе, оставшейся в вечном одиночестве.

Для молодых старость – это уродство, о жалости не может быть и речи, тем более, что Холстомер «пришелец», купленный на ярмарке. Молодые сбиваются в кучу, окружают его, бьют так, что он несколько раз взлетает в воздух на фоне того креста-распятия. Мы видим его терпеливо-страдальческое лицо в дыре дерева-креста – Холстомер как бы распят, мученик. И тогда он открывает молодым свое происхождение. Холстомера узнает старая Вязопуриха в исполнении заслуженной артистки Грузии Людмилы Артемовой-Мгебришвили, они принимают друг к другу лбами, как когда-то в далекой молодости. По стилю игры, по духу героев Харютченко и Мгебришвили очень близки, и эта тонкая связь важна для спектакля – ведь Вязопуриха остается с Холстомером у креста-распятия на протяжении всего действия – свидетелем и соучастником.

Режиссер предлагает в решении ролей неожиданный ход, очень выигрышный в постановочном плане. Холстомера в этом спектакле играют три актера, в зависимости от возраста и событий, о которых идет речь. И две актрисы выступают в роли старой и молодой Вязопурихи. Это дает возможность вживую показать события молодости, их бурные броски, метания, топот копыт и летящий бег ног. Да и с психологической точки зрения тандем совсем юной, а потом уже многоопытной собственной души особенно трогателен – так мы способны увидеть и оценить свои поступки, зная их реальный результат. Старые и молодые герои вместе прокручивают ленту своей жизни, то радуясь, то обжигаясь, и, насколько возможно, поддерживают друг друга.

Эти встречи стариков со своим молодым отражением режиссер выделяет мизансценически, подчеркивает нежным музыкальным акцентом, и это передается зрителю. Запоминаются сцены старой и молодой Вязопурихи, которую играет София Ломджария. Хрупкая, пластичная, легкая в движениях и чувствах, наивная и неопытная, она поддается ухаживаниям жеребца Ми-

Евгений Лебедев в роли Холстомера

В.Габашвили, В.Харютченко и Л.Артемова-Мгебришвили

лого, ломая жизнь свою и Холстомера. Потому ей так нужна помощь кого-то близкого. И умудренная жизнью Вязопуриха уже не оставляет ее.

Среди молодых особенно интересен Холстомер Лаши Гургенидзе – это детство-юность мерина: первые шаги жеребенка, его полная открытость миру, знакомство с другими животными, осматривающими новичка. Это сыграно этюдным методом, что создает особый эффект. Правда, играя разных животных, молодые актеры-грибоедовцы пока не до конца вытягивают, хотя это элементарные навыки с уроков актерского мастерства в театральном институте – правда, времен Туманишвили. Но юный Холстомер актерски вполне убедителен, главное, он близок по духу характеру Холстомера Харютченко, что очень важно в режиссерском замысле. В его жеребьячьей пластике забавно сочетаются мягкость, безоглядная резвость и острота. Хрупкий, длинноногий, тонкая шея вперед, плечи назад, и острый, резкий коленный шаг. При этом высвечивает его доброта, застенчивость, юношеская стыдливость. Трогательны пантомимические сцены встреч с юной Вязопурихой – нежность, трепет прикосновения, чистота обоих, зарождение любви. Но ее измена с Милым толкают влюбленного Холстомера на безумный шаг.

Режиссер, пожалуй, слишком усиливает этот момент близости Холстомера и Вязопурихи, превращая его в насилие, и происходит это за крестом-распятием. В повести сцены насилия нет. Но зато в избытке в современном мире, а дух времени Варсимашвили ощущает точно, и умеет передать его ужасы мановением режиссерской руки. Как это делает, например, в сцене кастрирования Холстомера, когда в дыму вращающегося круга, резких всполохах света и нестерпимом грохоте музыкальных аккордов персонажи крушат все, кажется, и сам этот мир. Как следствие крушения – появление другого Холстомера. Теряя себя прежнего и возможность любить, он обретает славу победителя в скачках. В этой роли Олег Мчедлишвили, играющий звездный час своего героя, в первой сцене, пожалуй, излишне громогласен и переполнен самоуверенностью. А это не вяжется ни с предыдущим обликом юности, ни с характером мудрой старости мерина. Холстомер должен быть един в трех лицах, ведь внутренняя человеческая суть коренным образом не меняется от обстоятельств. В следующих сценах он уже вписывается в образ.

В лошадином мире есть еще один очень заметный герой – это жеребец Милый, на котором потом ездил сам император. Уверенный в себе красавец, спесивый

Сцены из спектакля

эгоист, не ведающий стыда и совести, – таким его играет Василий Габашвили, и очень органично. Пластика, манера держаться, посадка головы – все точно соответствует заданному образу. Заманивание в любовные сети юной Вязопурихи ему удастся без труда. А когда их настигает Холстомер, Милый вынуждает ее подтвердить свою любовь к нему, повелительным жестом указывая на свою щеку. Растерянная возлюбленная целует Мило-

Князь со своей любовницей Матье (Мариам Кития), он носит ее на руках, а потом даже возносит кверху стул, на котором та восседает. Следом идет массовая сцена скачек, где актеры, игравшие ободранных лошадей в табуна, предстают как дамы и кавалеры в богатых костюмах, делают ставки, спорят, кто победит, и в центре внимания Князь, выставивший своего коня. В этой суматохе за любовницей Князя увивается красавчик, гусар-соблазнитель (Арчил Бараташвили). Матье постепенно поддается, и они тайком сбегают, мы видим их уже на верхней освещенной галерее, где они исчезают. Истошный вопль Князя: «Матье-е!» в отверстие креста-распятия, шум погони, и исповедь загнанного Холстомера.

Его трагический рассказ, который слушает Вязопуриха,

го в щеку, и это в присутствии старого Холстомера и Вязопурихи, которая горько роняет о себе: «Дура была».

Надо сказать, что лошадиное сообщество играет в этом спектакле ведущую роль, поэтому молодым актерам есть над чем поработать и в массовках табуна, и с ролями, и с этюдами в изображении животных. Особое внимание надо бы обратить на технику речи, она хромает. Впрочем, все режиссеры жалуются, что в последнее время у молодых артистов с этим беда и в грузинских театрах.

Кроме табуна, в спектакле есть и люди, они распрягаются животными и их жизнью. Хотя Холстомеру доставалось от табуна больше, чем от людей, но человеческая жизнь оказывается не менее страшной и жестокой. Васька (Дмитрий Спорышев) – беспробудный пьяница, бродит с бутылкой, шатаясь, а то и ползком. Бывает, бьет Холстомера, но иногда приласкает. Что с него взять – простой мужик, у которого нет ничего за душой. Подстать ему и конюший Нестор – Сандро Маргалиташвили, который не расстается с кнутом, ведь ему надо держать в руках табун. Владелец всего хозяйства, Генерал (Михаил Аржеванидзе) на вид вполне приличный, в мундире, с пышной бородой, он пытается управлять этим неуправляемым сбродом людей и коней. Для него главное сбыть товар, и он устраивает показ лошадей, чтобы выгодно продать.

Массовые сцены «смотра» лошадей постановочно хорошо выстроены, здесь у молодых актеров есть возможность придумать и показать характер коня или лошади, и свою особую реакцию на происходящее. Как они возмущены, когда гусарский офицер, Князь Серпуховской выбирает не их, красавцев и красавиц, а этого уродца, пегого мерина. Даже Генерал не сдержался: «Гонитесь за оригинальностью?»

Да, так оно и есть. Князь Серпуховской (Аполлон Кублашвили) богатый, красивый, взбалмошный, выбирает пегого коня, чтобы выделиться и привлечь внимание общества к себе, любимому. Признательность Холстомера Мчедлишвили безгранична, надо видеть, как он кладет голову на плечо новому хозяину и его ямщику, застывая в блаженстве. Этой мизансценой режиссер нам дает возможность увидеть Холстомера и его эмоции как будто крупным планом. Пегий мерин еще не знает, что счастье его будет недолгим.

Вторая часть спектакля более фрагментарна, сцены калейдоскопом сменяют друг друга – вот счастливый

иллюстрирует выразительная мизансцена: наверху высвечивается задний план сцены – и по верхней галерее, по которой убежали Матье и ее соблазнитель, теперь одиноко бредет, тяжело опираясь на трость, постаревший Князь Серпуховской – будто вслед за ушедшей любовью, которую не смог догнать.

Варсимашвили четко выстраивает сложную череду мизансцен, свободно переходящих одна в другую, с использованием актерской пластики, световых эффектов и, конечно, музыки, композитор – Заза Коринтели (Зумба). Музыка здесь не только звуковое оформление – она акцентирует сценическое действие. Вы ее не только слышите, но чувствуете, она создает эмоциональный, психологический фон – тревожный, нежно-лирический или трагический, совсем как в тандеме Стуруа-Канчели. Время точно отражается в музыке, сегодня она ярче всего может демонстрировать триумф агрессии этого мира. И Варсимашвили это использует – в такие моменты он не скупится на мощный звуковой поток. А зрителям хотелось бы несколько снизить дозировку децибел.

Холстомера купил прежний приказчик. «И вот я здесь», - улыбается старый мерин. Табун тепло принимает его, к нему льнут и ласкают – лошади оказались человечнее людей.

Но каким безудержным волнением охвачен старый Холстомер в сцене последней встречи с Князем Серпуховским, когда тот появляется в доме его Хозяина – одряхлевший, согнувшийся, промотавший все состояние. От былой бесшабашности нет и следа. Хозяин (Арчил Бараташвили) показывает гостю своих лошадей, тот равнодушно смотрит на них. Холстомера тоже не замечает. Серпуховской вспоминает, что такой же «пестрый» был когда-то и у него. Лицо Холстомера засветилось надеждой, он вопрошающе смотрит на Князя, опускает голову на его плечо, как тогда, при знакомстве – разве такое может кто-то из них забыть? Увы, узнавания не случается. Убитый этим, Холстомер уходит, тяжело ковыляя. Его лицо появляется в проеме креста-распятия со словами: «Все кончено». Для него все кончилось еще до того, как его зарезали.

В финале старый Холстомер снимает с головы ремень-уздечку, и уже отстраненно от образов звучат заключительные фразы двух Холстомеров и князя Серпуховского. Далекие звуки скрипки и вращение круга... Земля еще вертится.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО

Грузия – страна уникальная во многих отношениях. В 2005 году, как часть проекта «Усиление аппарата Народного защитника», создан Центр толерантности. В него входят Совет по делам религиозных меньшинств и Совет по делам этнических меньшинств. Не так давно к последнему присоединился Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб».

*О проблемах и достижениях Центра корреспондент «РК» побеседовала с директором Центра толерантности **Бекой Миндиашвили**.*

- Наша главная идея в том, что Грузия – это страна, где множество традиций переплетены друг с другом, и суть грузинской культуры – в интеграции, собирании этих традиций воедино. Процесс интеграции касается всех – и представителей нацменьшинств, и представителей титульной нации.

- *Проекты «Этносы в Грузии» и «Религии в Грузии» – первые ласточки в деле интеграции. Чем они важны лично для вас?*

- В Центре толерантности действуют два Совета при Народном защитнике – по делам этнических и религиозных меньшинств. Координацию этих Советов обеспечивает наш центр. Исходя из того, что проблема толерантности реально существует, могу сказать, что больше всего ее подпитывает недостаточная информированность населения. Медиа также сравнительно мало освещают эту тематику. Поэтому, первое, что мы должны были сделать, создавая Центр толерантности – создать информационную базу, где были бы собраны сведения о меньшинствах. Мы стали издавать журнал «Солидарность», который выходил вплоть до 2010 года, а сейчас трансформирован в интернет-портал tolerantoba.ge. В течение первых двух лет в каждом номере журнала выходила статья об одной из проживающих в Грузии диаспор и об одном религиозном меньшинстве. Это были живые и максимально объективные репортажи из первых уст – без каких-либо стереотипов, так, как сами представители меньшинств себя позиционируют. И вот, когда у нас собралось достаточно материала, мы решили взяться за более амбициозный проект – создать энциклопедию, более-менее отражающую полную картину жизни меньшинств в Грузии. Мы пригласили лучших грузинских фотографов, которые путешествовали по всей стране и сделали неисчислимое количество снимков. Мы работали с этнографами, историками, с представителями меньшинств, со специалистами из различных областей. Вся эта информация в итоге уместилась в две большие книги – «Этносы в Грузии» и «Религии в Грузии». Это первое академическое издание

подобного рода. Получились очень хорошие издания, которыми мы по праву гордимся. К сожалению, тираж их был небольшой – всего 1500 экземпляров. Мы провели не одну презентацию наших книг в регионах, в вузах и различных организациях. А недавно возникла идея издания еще одной книги – энциклопедического справочника «Дети Грузии». Этот проект осуществляется совместно с фондом «Алпе» и представляет собой рассказ об этнических негрузинах, внесших большой вклад в общественную, культурную, политическую жизнь нашей страны.

- *Расскажите, пожалуйста, подробнее о работе Совета по делам этнических меньшинств при Народном защитнике.*

- Это – представительный орган, в нем объединены более 95 организаций, и их число растет с каждым годом. Одним из направлений работы совета являются меморандумы, оформленные с различными ведомствами и министерствами. В контексте сотрудничества мы достигаем того, что эти госструктуры становятся подотчетными нам по вопросам интеграции. К нам относятся всерьез. Кроме того, совет активно участвует в мониторинге плана действий. Совместно с экспертами создаются рабочие группы, которые проводят мониторинг ситуации как в столице, так и в регионах. Мы уже начали работу над третьим годовым отчетом. Это очень интресный процесс. Задача в том, чтобы организации нацменьшинств были настолько интегрированными в общество, чтобы мы не спрашивали, например, у греков – какие проблемы у греческой диаспоры, а спрашивали об их взглядах на проблемы наркомании или на процесс выборов, или любой другой социально значимый вопрос. То есть они должны быть полноценными участниками процесса.

- *В 2009 году правительством Грузии принята Национальная Концепция толерантности и гражданской интеграции и План действий. Некоторые иностранные эксперты даже назвали ее амбициозной. Насколько концепция действенна, на ваш взгляд?*

- Начнем с того, что Грузия ратифицировала Рамоч-

ную конвенцию Совета Европы по защите национальных меньшинств. Это часть государственной политики. В конце 2006 года Совет по делам этнических меньшинств завершил работу над пакетом рекомендаций для различных госструктур. Главная из них заключалась в формировании государственной политики по отношению к национальным меньшинствам. В 2009 году, несмотря на один из самых сложных периодов в общественной и политической жизни страны, правительство приняло эту концепцию. Спекулировать темой национальных меньшинств очень любят оппозиционно настроенные силы. Государство постоянно обвиняют в проведении антиправославной, антигрузинской политики, в том, что оно борется с традициями и т.п. Однако, президент не раз поздравлял католиков, мусульман, евреев с их религиозными праздниками. Появляются новые СМИ, которые активно публикуют материалы о проблемах меньшинств. Но я убежден, что окончательно все изменится за одну минуту, как только свою позицию и свое отношение к проблемам меньшинств изменит церковь.

- Не могу не спросить о государственном языке. В крупных городах эта проблема стоит не так остро, но в региональных ситуациях иная. Что изменилось за последние годы?

- В этой связи были начата работа в нескольких направлениях. Я не согласен с тем мнением, что нужно навязывать изучение государственного языка. Если человек не хочет учить язык, он волен этого не делать. Но изучение государственного языка поможет снять множество барьеров, вплоть до улучшения качества жизни. Мне кажется, эта проблема – пережиток советского прошлого. Был русский язык, грузинскому в регионах не учили, поскольку потребности в этом не было никакой. Русский язык был коммуникационным. Сейчас ситуация совершенно изменилась. Реальность в Грузии такова, что для реализации социальных, культурных, научных, карьерных, политических амбиций нужно знать грузинский и английский языки. Конечно, чем больше языков ты знаешь, тем лучше. Население не должно чувствовать, что его кто-то принуждает. Люди должны понять, что им это нужно для полноценной жизни в обществе.

- Этому способствует и проект билингвального обучения в школах.

- В том числе. Когда человек учит не просто язык, а изучает с его помощью различные предметы, то есть по сути учится производить аналитические операции, он постепенно становится билингвой. Программа начата три-четыре года назад.

- Эксперты называют новую систему поступления в вузы для абитуриентов-негрузин прорывом в деле интеграции. Ваше мнение?

- Если несколько лет назад абитуриенты из компактно населенных регионов не поступали в вузы, а уезжали за рубеж или, оставаясь, не могли себя найти, то сейчас мы имеем дело с позитивной ситуацией. Этнические негрузины имеют возможность сдавать всего один экзамен по общим навыкам на своем родном языке, а затем, уже поступив в вуз, изучать грузинский язык. У грузинских абитуриентов такой возможности нет, они сдают множество других экзаменов. И если раньше в прямом смысле слова поступало два человека, то сегодня количество абитуриентов-негрузин выросло уже до 400. Но и этого мало, потому что ресурс есть.

- Как вы смотрите на новую инициативу Министерства образования о введении уроков толерантности в старших классах?

- Толерантность может изучаться на примере истории, культуры, литературы, философии. Например, вся грузинская агиография – это истории негрузин. Примеров масса. Святая Шушаник была армянкой, святой Або – арабом, в Грузии проповедовали тринадцать ассирийских отцов, сама святая Нино не была грузинкой. Или

хотя бы главный грузинский литературный текст – «Витязь в тигровой шкуре» Руставели – в нем нет ни слова о Грузии, но его значимость для нашей культуры очень велика. В более поздний период – это деятельность Сулхан-Саба Орбелиани и католическое миссионерство, в XIX веке – немцы, русские, итальянцы, переселившиеся в нашу страну. Все ведь связано с совместным проживанием различных людей. В основе понятия толерантности лежат универсальные идеалы – взаимопонимание, открытость. Я хотел бы, чтобы и историю Грузии преподавали в этом ключе. Ведь как говорится в преамбуле Закона об общем образовании – задача государства – воспитать либерально и толерантно настроенных граждан.

- На ваш взгляд, существует ли в Грузии проблема русского языка?

- В течение многих лет русский язык выполнял коммуникационную связь с центром. При этом в Грузии никогда не было русофобии как таковой. Но при этом мне непонятны вопросы по поводу того, почему в Грузии не учат русскому языку. Просто это время прошло. Видите ли, в Советском Союзе мы жили на одной шестой части света и этим все ограничивалось. Сейчас мы вернулись в большой мир, и потребность в русском языке отпала сама собой. Я думаю, что нужно знать и русский, и турецкий, и армянский, и азербайджанский. Если же мы говорим, что повсеместно нужно изучать русский язык, мы этим подтверждаем, что нужно вернуться в Советский Союз, а это не принесет ничего хорошего. Я очень жестко отношусь к российской политике и считаю, что чем дальше Грузия будет держаться от ее сферы влияния, тем больше у нас шансов на строительство либерального, демократического государства. Но у меня совершенно противоположное отношение к русскому культурному пространству. Я считаю, что у культуры нет национальности и нет границ. И для меня не имеет значения – человек воспитан на книгах Достоевского и Толстого или Сервантеса и Шекспира. Это универсальные ценности, и это нужно осознать. С этой точки зрения для меня недопустима какая-либо нетерпимость к русской культуре и русскому языку. Неприемлемость какого-то культурного феномена – это слепота. Любовь ослепляет и ненависть ослепляет, поэтому нужно быть рациональными.

- Понятно, что процесс демократического развития непрерывен и не имеет конечной точки. Как вы определите позитивные изменения в своей области?

- Сегодня многие поняли, что Грузия – не только страна грузин, в которой представители других этносов в лучшем случае воспринимались как гости, к которым грузины относились с традиционным гостеприимством, а многонациональная страна. Идеал для нас – когда у всех граждан будет равный доступ ко всем благам, предлагаемым государством. Осознание этого, как мне кажется, за пять последних лет произошло. Думаю, заслугой правительства можно считать то, что отождествляются понятия национальности и гражданственности. Эта цель у государства была изначально, и оно ей не изменяет. Самое главное – была большая включенность со стороны самих меньшинств. Это очень важно. И важно также, что их замечания были учтены.

- И все-таки, какова ваша критика в адрес государства в связи с процессом интеграции?

- Наше главное критическое замечание связано не с подходом, а с эффективностью тех или иных действий. Этим мы заняты и мне кажется, это важная функция. Особенно в контексте взаимоотношения госструктур и этнических групп. Цель ведь одна – создание гражданского общества. Для этого нужно время. Несмотря на то, что в обществе существуют серьезные стигмы – религиозные, сексуальные, этнические. Однако отношение государства дает мне право говорить, что в будущем это направление разовьется. Стремление к этому в Грузии есть.

ИГРАЕМ КЛАССИКА

Театральный праздник устроили тбилисцам гости из Азербайджана, пригласив их в мир колоритных образов классика азербайджанской литературы, великого просветителя и общественного деятеля Мирзы Фатали Ахундзаде (Ахундова).

Тбилисский театр имени А.С. Грибоедова 24 апреля принимал Азербайджанский государственный русский драматический театр имени Самеда Вургуня – бакинцы привезли популярную комедию «Мусье Жордан, ученый ботаник, и дервиш Мастали-шах, знаменитый колдун», поставленную народным артистом Азербайджана главным режиссером театра Александром Шаровским по пьесе Мирзы Фатали Ахундзаде. Гастроли бакинского театра, организованные Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» при поддержке Министерства культуры и туризма Азербайджана, были приурочены к 200-летию со дня рождения азербайджанского писателя. Кстати, это уже второй приезд коллектива театра имени Самеда Вургуня в Тбилиси. В прошлом году бакинцы показали спектакль «Хочу вашего мужа» М. Задорнова – в ответ на гастроли в Баку театра им. А.С. Грибоедова со спектаклем «Эмигранты» С.Мрожека. Культурный обмен состоялся и на этот раз: в столице Азербайджана 30 апреля увидели музыкальную драму «Гетто» Дж.Собола... Прогнозы оптимистичны: обе стороны стремятся продолжать сотрудничество двух театров в будущем.

Перед показом комедии гости, их тбилисские кол-

леги – грибоедовцы и сотрудники «Русского клуба» возложили цветы к памятнику Гейдару Алиеву в тбилисском сквере его имени, а также на могилу Мирзы Фатали Ахундзаде – она находится на территории Ботанического сада.

Мусье Жордан, Мастали-шах и лапша

Спектакль бакинцев, показанный на большой сцене Грибоедовского театра, собрал множество зрителей. Гостям аплодировали представители аккредитованного в Грузии дипломатического корпуса, выдающиеся деятели культуры и спорта, представители творческой, научной интеллигенции и различных общественных организаций Грузии.

«Мусье Жордан, ученый ботаник, и дервиш Мастали-шах, знаменитый колдун» в постановке Александра Шаровского – это веселое, эффектное зрелище. Режиссер-постановщик вместе со сценографом Никитой Сазоновым (Россия) и художником по костюмам заслуженным деятелем искусств Азербайджана Фахрией Халафовой, не поскупились на краски, излучающие свет и тепло. Ведь в сознании многих Восток – это, прежде всего, броский, жгучий колорит. Но он проявляется не только в цвете, но и в пластике, музыке, этнографических деталях. Достаточно вспомнить сцены, когда женщины в келагах – шелковых платках (национальных головных уборах), раскатывают и нарезают лентами традицион-

ную лапшу-аришту или взбивают шерсть. А кто устоит перед многоцветьем восточных ковров?

«Представление об удивительном происшествии» - таков подзаголовок пьесы Мирзы Фатали Ахундзаде, которого иногда называют тюркским Мольером, - впервые было поставлено в 1851 году в Петербурге, на частной сцене в переводе самого автора, а через год - в Тифлисе... Кстати, в России пьесу назвали «милой, живой, грациозной и оригинальной». Сюжет «Жордана» незамысловат, но в его основе - реальные события... Пишут, что герой пьесы мусье Жордан - ботаник, собирающий в Карабахе целебные травы, - отнюдь не вымышленный образ. Его прототипом стал французский естествоиспытатель Клод Тома Алексис Жордан (1814-1897).

В спектакле бакинцев в роли Жордана выступил народный артист Азербайджана Мабуд Маггеррамов, создавший эксцентричный образ парижского ученого. В постановке Александра Шаровского вообще много эксцентрики - заостренно-комедийных ситуаций и действий персонажей. Вплоть до цирковых элементов во втором действии спектакля, когда на сцене появляется «великий и могучий» дервиш Мастали-шах, знаменитый колдун (искусная работа заслуженного артиста Азербайджана Фуада Османова), блистательно исполнивший несколько умопомрачительных фокусов. Этот восточный граф Калиостро, явившийся из-под земли, слов-

Возложение цветов к памятнику Гейдару Алиеву...

но из преисподней, сумел убедить легковверных женщин в том, что разрушит Париж только для того, чтобы жених юной Шараф-Нисы ханум (Хаджар Агаева) Шахбаз-бек (Мурад Мамедов) не смог уехать в столицу Франции вместе с мусье Жорданом... Невероятное происходит - Париж в руинах! Мы понимаем, что свершилась Великая французская революция - в спектакле развернута впечатляющая картина торжества Свободы, Равенства, Братства... Вот такой анекдот с благополучным концом! Правда, для всех ли благополучным был этот конец? Вопрос остается открытым. Ведь Шахбаз-беку так и не удалось «прорубить окно в Европу» - увидеть Париж и изящных парижанок. А ведь так хотелось!

В спектакле особо подчеркиваются ум и изобретательность женщин. Это, в первую очередь, мать Шараф-Нисы ханум - Шахрабану-ханум в исполнении заслуженной артистки Азербайджана Натальи Шаровской. Шахрабану-ханум - сильная женщина, которая не сдастся ни при каких обстоятельствах! Актриса дает понять, что именно ее героиня, вопреки представлениям о покорности восточных жен, принимает решения, а не ее муж Гатам-Хан ага (народный артист Азербайджана Сафа Мирзагасанов). Не уступает ей и кормилица Шараф-Нисы Хан-Пери в исполнении заслуженной артистки Мелек Абасзаде.

и на могилу Мирзы Фатали Ахундзаде

«Актёры у нас поют своими голосами, без фонограммы. И зрителю наш спектакль очень нравится, - рассказывает заведующая литературной частью, заслуженный работник культуры Азербайджана Валентина Резникова. - Музыкальность - это, можно сказать, национальная особенность азербайджанцев. В стране много певцов, композиторов. В Азербайджане не поет разве что ленивый! Думаю, именно потому музыкальные спектакли у нашего зрителя пользуются особым спросом. Музыка к постановке написал заслуженный деятель искусств Вагиф Герайзаде. Автор текстов песен - народная артистка Азербайджана Александра Никушина. Спектакль, конечно, не перегружен психологическими разработками. Ведь это комедия ситуаций! Однако не стоит забывать, что смех не только веселит - он и лечит. Многие считают, что комедия - легкий жанр. Но это заблуждение. Не каждый режиссер владеет этим жанром. Но Александр Шаровский владеет. Он умеет поставить комедию блестяще, облагородить, творить внутри жанра чудеса, даже если материал несовершенно. Возможно, потому, что когда-то Шаровский хотел быть клоуном, и ему, его мироощущению близка природа смеха. Хочу выразить

нашему Министерству культуры и туризма, а также директору театра Ильхаму Мамедову за предоставленную возможность показать спектакль в Тбилиси».

Автандил Варсимашвили и Александр Шаровский

Как рассказала В.Резникова, в театре имени Самеда Вургунга ставится русская, национальная, зарубежная классика, современные пьесы азербайджанских и русских драматургов. При этом представлены абсо-

Сцены из спектакля

лютно разные жанры: трагикомедия, драма, трагедия, комедия, музыкальная комедия и даже черная комедия. И у каждого спектакля свой зритель. Это помогает бакинскому театру имени Самеда Вургуня оставаться конкурентоспособным и интересным публике.

Одна из удач театра – «Федра», получившая высокую оценку критики. «Спектакль Александра Шаровского – это взрыв яростного, что называется, напившего сопротивления бескультурью во всех проявлениях: интеллектуальному, эмоциональному... потому что «Федра» Русского драматического театра им. Самеда Вургуня обращена не только к далеким временам античности, но и, естественно, к классицистскому, расиновскому восприятию таких понятий, как Долг и Страсть; но и к острой, большой памяти о великом спектакле Александра Таирова с Алисой Коонен в главной роли; но и ко дню сегодняшнему. Эти культурные «напластования» создают совершенно особый и неповторимый облик и дух спектакля», - пишет Наталья Старосельская в журнале «Иные берега».

«Театр рождается из фокуса!»

- Чем вас заинтересовала именно эта пьеса Мирзы Фатали Ахундова? – задаю вопрос Александру Шаровскому.

- Я знаю этого автора и обращался к нему уже дважды – до этого я поставил его пьесу «Везир ленкоранского ханства». Абсолютно незазойливый драматург! В своих пьесах в форме неких анекдотов он говорит о серьезных вещах. Уезжать из страны или нет? Как оставить семью? Мне кажется, сегодня такие дидактические пьесы, написанные в комедийной форме, дают возможность импровизировать на тему. Первый акт – этнографические картинки моего детства. Я родился в Азербайджане и знаю не понаслышке, что такое изготовление лапши и взбивание шерсти. А второй акт позволил вывести такого восточного Дэвида Копперфильда – на нашей сцене он опускается с неба! Когда автор дает возможность импровизировать, это дает

дыхание. По-моему, в пьесе достаточно яркие персонажи. И актеры работали с удовольствием. В спектакле из картинка в картинку сложилась какая-то непрерывная цепочка. В итоге вышло, на мой взгляд, достаточно компактное шоу на серьезные темы.

- Бакинский театр уже во второй раз привозит веселый спектакль... Вы приверженец комедийного жанра?

- Не совсем так. У нас идет «Федра». К сожалению, сильно болеет наш Лир – актер Нодар Шашикошвили. Уехали в Москву герои моей «Чайки». Я ставлю по два-три спектакля в сезон и даже выпускаю детские сказки. Как вы понимаете, необходимо, чтобы театр был в действии. И молодежь я таким образом тренирую, технически подтягиваю. На мой взгляд, самое главное для актера – это техника.

- Профессионализм...

- Некоторые думают, что профессионализм – это нечто потустороннее. Говорят о сквозном действии, жизни человеческого духа. А техника – это когда руки на месте, когда есть организованный жест, умение владеть голосом, пластика, ритмичность. Мне очень важно, чтобы актеры владели ремеслом. И для этого я их заставляю много работать – тому, кто выдерживает, идет такой режим на пользу. Необходимо двигаться достаточно быстро, потому что у артиста век короткий, да и работаем мы в условиях достаточно ограниченного количества публики. Поэтому приходится выпускать много премьер. Это большая удача, что мы, тбилисцы и бакинцы, вышли друг на друга. Что мы развиваемся, что администрация наших театров – люди достаточно рискованные и готовы вывозить спектакли. Показ спектакля на новой публике – как премьеры! Это новое дыхание, ведь на новом зрителе спектакль звучит иначе. Да еще на такой прекрасной сцене, при таком классном освещении. Наша сцена гораздо меньше, свет беднее... С вашим замечательным художником по свету Теймуразом Сухишвили я сделал два спектакля и буду сотрудничать дальше. Сейчас ставлю «Распутника» Эрика-Эммануэля Шмитта, и Темури приедет

к нам в конце июня делать свет. А потом придет еще в октябре... Когда-то Автандил Варсимашвили порекомендовал нам пьесу «Опера Мафиозо» Васила Станилова, и она произвела на меня впечатление. Так что я это тоже решил поставить. Так живется интереснее... Нужно возвращать те связи, что существовали когда-то между нами. Я очень люблю Тбилиси, приезжал сюда еще актером, в молодости. Помню, что играл «Укрощение укротителей» и кричал по-грузински: «Чемо сикваруло!» Зал летел! Это было лет 35 назад... Тбилиси – культурная столица. Дай бог, чтобы этот дух из нее никогда не выветрился.

- Что для вас главное в процессе творчества?

- В основе любого творческого элемента лежит ритм.

Когда у артиста нет ритма, когда он, говоря на простом языке, не попадает в такт, он для меня уже не интересен. Значит, актер не чувствует ритм спектакля в целом, ритм маленького его кусочка. Для меня это всегда нож в сердце, и любые внешние данные уходят на второй план, потому что, на мой взгляд, все в спектакле решает ритм, умение чувствовать пульс и быть внутри его.

- Расскажите, как рождался спектакль? Ведь пьеса «Мусье Жордан» довольно архаична...

- Приходится учитывать вкусы современной публики. В нашем спектакле много деталей. Никуда мы не денемся – сознание нынешней публики клиповое! Так что количество картинок в единицу времени порой определяет успех... Наш спектакль состоит из небольших клипов. Текстовых повторов в пьесе много, но если их убрать, то текста остается минут на 30. Так что эти повторы нужно было оправдывать новыми картинками и обстоятельствами. А это самое увлекательное в нашем ремесле! Мне нравится работать в разных жанрах. Потому что, скажем, я очень люблю разбивать любую пьесу на маленькие эпизоды и создавать из них свою структуру – начало, середину, финал. Если удастся сделать эти бусы, то порой получается достаточно интересный спектакль. Если нет, то промахиваешься, даже не зная на хороший материал.

- Неудачи вас травмируют?

- Сильно травмируют, выбивают из колеи. И я бываю просто в отчаянии, потому что абсолютно очевидно, что наше ремесло – это каждый раз начинать все по-новому. Найденный трюк тебе уже неинтересно повторять, нужно искать новые приспособления, новую манеру. В общем, так и проходит наша жизнь. Ведь еще Мейерхольд говорил молодым режиссерам: «Если вы поймали две минуты катарсиса, то это уже очень много. Больше не ищите!» Да, эти две минуты все и решают.

- Очень часто спектакль проходит без этих двух минут.

- Вот и представьте себе, как это сложно!

- Вы за чистоту жанра или вас интересует смешение стилей?

- Мне больше нравится эта опасная игра на грани – сталкивать вещи вроде бы несочетаемые. У ортодоксов это вызывает некое отторжение. Но, на мой взгляд, нынешний театр самоценен... театром. Если нет элемента игры и фокуса, в хорошем смысле этого слова, то что-то уходит. Словом, театр интересен сам по себе. Надо чем-то удивлять публику. Если ты не удивил – значит, просто поставил очередную пьесу. Ты уже знаешь, как начинать и как заканчивать. Но ничего свежего, озорного нет....

- А чем удивлять? Идти навстречу вкусам публики или подтягивать зрителя до себя?

- Все эти разговоры от лукавого. Если в зале сидит пара академиков или критиков, то кого ты подтянешь? Ты должен удивлять своим взглядом, отношением к какому-то вопросу, теме, своим фокусом, трюком. А трюком я называю режиссерское решение.

- Неожиданно острое и непредсказуемое?

- Да-да. Вдруг зритель видит, что появляется какой-то объем. Иначе все плоско, на уровне текстовой структуры. Это тоже достаточно важно, но если нет объема, то все становится как папиросная бумага.

- А фокус «Мусье Жордан» у вас получился легко?

- Да, легко. По той простой причине, что я сразу увидел две вещи: структуру первого и второго актов.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Маквала Касрашвили

Выдающаяся грузинская певица, звезда мировой оперной сцены Маквала Касрашвили отметила в апреле свой юбилей.

Прошло 46 лет после ее артистического дебюта, а она продолжает восхищать и очаровывать нас своим чудесным, западающим в сердце голосом.

Удел очень немногих в мировом вокальном искусстве!

... Маквала Филимоновна Касрашвили уроженка города Кутаиси, здесь получила первые уроки вокала, талант свой унаследовала от матери, наделенной красивым голосом и музыкальностью.

Помню Маквалу на вступительном экзамене в Тбилисской консерватории, восхитившую красотой голоса и, особенно, удивительной, врожденной музыкальной культурой. В последующие годы я внимательно следил за академическим ростом Маквалы, занимавшейся под руководством выдающейся певицы, профессора Веры Александровны Давыдовой, не пропускал ее выступлений на студенческих концертах и, разумеется, на триумфальном выпускном экзамене весной 1966 года.

Присутствовать на артистическом дебюте Маквалы мне не довелось по той простой причине, что он, впервые в практике грузинских певцов, состоялся в Москве на сцене Большого театра, сразу же по окончании кон-

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

серватории.

М.Касрашвили была зачислена в прославленный театр и по сей день продолжает в нем работать в качестве певицы-солистки, а с 2002 года и управляющей творческими коллективами оперной труппы Большого театра России. Случай редкостный!

А теперь коротко об артистическом пути нашего юбиляра.

Уже в первые годы работы в Большом певицей были исполнены такие сложные партии, как Графиня («Свадьба Фигаро» Моцарта), Татьяна, Лиза, Иоланта («Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Иоланта» Чайковского), сразу же выдвинувшие ее в число ведущих солистов. А всего в репертуаре Касрашвили их свыше тридцати.

Кроме перечисленных, это Аида, Дездемона, Леонора, Амелия («Аида», «Отелло», «Трубадур», «Бал-маскарад» Верди), Тоска, Турандот (в одноименных операх Пуччини), Вителлия («Милосердие Тита» Моцарта), Маргарита («Фауст» Гуно), Микаэла («Кармен» Бизе), Феврония («Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова), Любка, Наташа Ростова, Полина («Семен Котко», «Война и мир», «Игрок» Прокофьева) и другие.

Все они становились событиями творческой жизни артистки.

Особо должно быть отмечено то весьма редкое обстоятельство, что ей подвластны и некоторые партии меццо-сопранового репертуара, такие как Амнерис, Эболи («Аида» и «Дон Карлос» Верди), Марина Мнишек («Борис Годунов» Мусоргского), Иродиада («Саломея» Р.Штрауса) и другие. Просто замечательно!

Главными наставниками Маквалы в Большом театре стали великий музыкант Мстислав Ростропович, режиссер Борис Покровский, партнерами – замечательные певицы Ирина Архипова, Галина Вишневская, Елена Образцова, два наших великолепных Зураба – Анджапаридзе и Соткилава, Юрий Мазурок, Александр Огнивцев, Владимир Атлантов, пианистка Лия Могилевская.

Первым «звездным» событием в артистической карьере певицы, положившим начало ее широкого международного признания, был престижнейший международный конкурс молодых вокалистов в Монреале (Канада) в 1973 году, на котором она завоевала второе место, хотя, по мнению очевидцев, заслуживала первое! Достойным партнером здесь ей был замечательный музыкант пианист Важа Чачава.

Шумные успехи принесли певице первые же зарубежные выступления в нью-йоркском «Метрополитен-опера» в 1979-м (партия Татьяны), лондонском «Ковент Гардене» в 1984 (Донна Анна в «Дон Жуане» Моцарта, под управлением замечательного дирижера Колина Дейвиса), в Мюнхене и Вене в 1986 и 1987 в Вероне (Аида) и практически во всех главных оперных театрах Европы и Северной Америки. Зарубежная пресса назвала ее «звездой первой величины на ми-

ровом оперном небосклоне», особенно выделяя при этом ее «неподражаемую трагическую Тоску».

Певица одновременно ведет и интенсивную камерную концертную деятельность, исполняет романсы русских, зарубежных и грузинских композиторов, выступает в кантатно-ораториальных произведениях, таких как монументальные творения Баха, Моцарта, «Реквием» Верди, «Военный реквием» Бриттена, 14-я симфония Шостаковича и другие.

Такая загруженность не оставляла Маквале достаточного времени для частых выступлений у себя на родине, в Грузии, но каждый ее приезд связан с неизбежными впечатлениями.

Впервые после утверждения на московской сцене она выступила у нас в роли Татьяны в 1968 году, вызвав восторг слушателей.

«Вторым открытием» для многих стал концерт Маквалы в Тбилиси в начале 1975 года, подтвердивший исключительно высокий профессиональный класс певицы, способной к творческому перевоплощению и преодолению любых художественных и технических трудностей. Звучали разнообразные по стилю и жанрам произведения: вокальный цикл де Фальи – «7 испанских песен», отрывки из оперы Гершвина «Порги и Бесс», романсы Чайковского, Рахманинова, Мачавариани – «Синий цвет» и «Солнцеликая», а также Тактакишвили – «Родник» и «Серафита», первой исполнительницей которых она была еще в студенческие годы.

Конечно, стихия певицы – богатая тончайшими душевными нюансами и полная внутренней экспрессии музыка. Здесь ее пение приобретает неповторимую, исполненную целомудренной простоты, проникновенность и чистоту, но не менее впечатляют и насыщенные драматизмом партии, такие как Сантуцца («Сельская честь» Масканьи), Тоска («Тоска» Пуччини), Любка, Полина («Семен Котко», «Игрок» Прокофьева) и другие.

Потрясла меня, как и всех присутствовавших в Большом театре, ее Полина, партия очень сложная в интонационном и художественном отношении, сочетающая напряженные и лирически-просветленные эпизоды.

«Тоска» Дж.Пуччини

Участие в московском спектакле вердиевского «Отелло» было признано и для Маквалы и для Зураба одной из вершин их артистического пути. В этом смогли убедиться и тбилисские слушатели, при исполнении ими партий Дездемоны и Отелло в спектакле и концерте (дирижировали Гиви и Заза Азмаипарашвили). Никогда не забудется и их выступление в сопровождении симфонического оркестра под управлением Джансуга Кахидзе – с отрывками из «Сельской чести» и других опер

Крупным событием музыкальной жизни Грузии стал на редкость представительный фестиваль оперного искусства в родном городе Маквалы – Кутаиси (июнь 1986), в котором, наряду с грузинскими артистами, принимали участие Елена Образцова, Юрий Мазурок, дирижер Большого театра Альгис Жюрайтис.

На торжественном открытии фестиваля много пела Маквала Касрашвили – соло и в дуэтах с Зурабом Соткилава.

Еще одна яркая «грузинская» страница артистической биографии Маквалы Касрашвили – ее участие в спектакле «Похищение луны» Отара Тактакишвили в Большом театре (1977), где она исполнила главную женскую роль – Тамар (мужскую пел З.Соткилава). Спектакль имел большой и заслуженный успех, был награжден специальной премией, автор оперы стал

«Евгений Онегин» П.Чайковского

лауреатом Ленинской премии.

В 1982 году «звездная» московская пара Касрашвили и Соткилава предстала в гастрольном спектакле Большого театра в Тбилиси. Еще одно незабываемое событие!

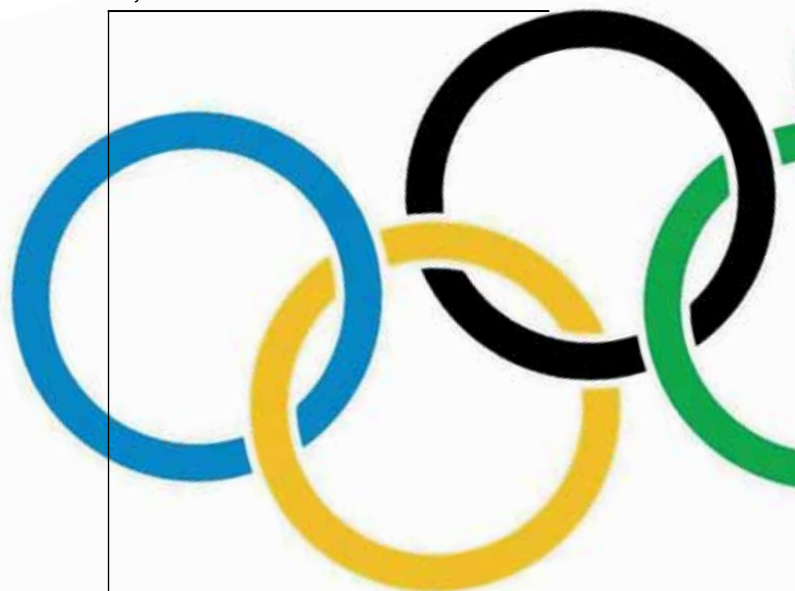
Вскоре Маквале была присуждена премия им. З.Палиашвили (1983).

... В апреле этого года в Москве в Большом театре проведен ее юбилейный вечер. Конечно же, славная дата будет отмечаться и у нас в Тбилиси. Осенью намечено участие Маквалы Филимоновны в концертном исполнении оперы Пуччини «Турандот» (роль Турандот, один из многочисленных «коньков» певицы), а потом предстоит ее дебют в роли Этери в бессмертном «Абесаломе и Этери» Захария Палиашвили.

Пожелаем нашему юбиляру, народной артистке Грузии и СССР дорогой Маквале Касрашвили новых дебютов в оперных спектаклях в Москве, Тбилиси и повсюду, где она их планирует!

Неиссякаем творческий потенциал замечательной певицы.

Гулбат ТОРАДЗЕ

У ВОЙНЫ НЕДЕТСКОЕ ЛИЦО

Часть своей жизни, молодую, он отдал военной службе. Будучи по складу характера военным человеком, как вспоминает один из самых состоявшихся, самых любимых его учеников, отличался исключительной дисциплинированностью, был достаточно жестким и прямым, не выносил несправедливости, грудью отстаивал правду, и хотя с войной покончил счета, зарубки от нее, нет-нет, а давали о себе знать.

Вспоминал, как во время войны испытал такой ужас, что не мог его забыть. 22 июня 1941 года оказался в Харькове с группой тбилисских ребят. С начала тридцатых годов он работал тренером по борьбе. В Харьков приехали на соревнования. Их, конечно, отменили. И тогда перед старшим стал вопрос: как домой с детьми добираться? Немец город бомбит, на вокзале столпотворение. Железнодорожные пути забиты воинскими эшелонами. Никто его слушать не хотел. Лев Капитанов не знал что делать. Были бы с ним взрослые, а то ведь дети! Плачут, жмутся к нему, а он как представит, что испытывают сейчас их матери дома, так просто жить не хочется. Насилу уговорил коменданта одного воинского эшелона забрать их, он же помог отправить телеграмму в Тбилиси. У самого телеграмму не приняли – был приказ не создавать панику. Ехали они неделю, если не больше.

Привез Лев Николаевич детей и буквально сбежал с тбилисского вокзала – не мог видеть лица матерей. Они на колени перед ним падали, плакали, благодарили, что детей довез.

Нет, этого словами передать нельзя, считал, нужно самому пережить. Но только не дай бог еще раз пережить такое...

А война от Льва Капитанова никуда не делась. Не уехать от нее и самому сильному, от пули не сгордиться. «Он, как и я, всю войну прошел, - вспоминал о

Лев Капитанов

друге Нерсес Акопов, - прошагал до самого Берлина, вернулся с пятью боевыми медалями». Оба – друзья, водой не разлить. Великие наставники – заслуженные тренеры СССР, воспитатели олимпийских чемпионов.

Одна деталь: Нерсес Григорьевич старше на несколько лет и называет Льва Николаевича «немножко мальчишка», ведь младшему «скоро будет только семьдесят».

Разница в возрасте на работе не сказывалась – 60 лет уходили домой вместе из борцовского зала.

Вспоминаю старую, древнюю афишу середины 30-х годов. О том, что спортивное общество «Динамо», секция тяжелой атлетики, в здании Госцирка на спуске Элбакидзе проводит товарищеские матчевые встречи по французской и грузинской борьбе со сборной профсоюзов города.

А кто это там в четвертой паре? Динамовец Капитанов против профсоюзного Акопова. Вот когда завязывалась дружба «молодого» со «стариком».

Лева в 17-18-летнем возрасте активно занимался спортом (футбол, гимнастика, велоспорт).

О начале занятий Капитанова борьбой, а это было в 1925 году, лучше других помнил сам Капитанов. «Однажды мой товарищ предложил: давай, пойдем в цирк, посмотрим борьбу великанов. Пошли, и зрелище нам понравилось. Зачастили после этого в цирк, решили стать такими же сильными. Устроили во дворе спортивную площадку, разучиваем приемы».

Потом Георгий Чикваидзе открыл в Сололаках первую группу французской борьбы, позже ее знали как классическую и греко-римскую. Чикваидзе удалось перевести их группу в борцовский зал на улице Орджоникидзе.

Как можно догадаться, речь идет о «Петрес дарбази», с которым связана спортивно-тренерская деятель-

ность Капитанова, знаменитой кузнице чемпионов.

Здесь Лева готовился к первым соревнованиям. Стал чемпионом Грузии 1933 и 1934 годов в легком весе, вторым на первенстве Закавказья 1934 года. Отсюда ушел в армию, по окончании войны демобилизовался и вернулся к тренерской работе, которая увлекала его еще в 1931 году. Среди воспитанников Льва Николаевича 40 мастеров спорта – чемпионы СССР и Грузии, Европы...

В далеком 1956 году стал олимпийским чемпионом его воспитанник Мириан Цалкаламанидзе.

Как не похож он на того новичка, который робко открыл дверь борцовского зала и приглянулся Капитанову, понявшему, что пришел к нему талант божьей милостью, - бриллиант чистой воды, нуждающийся в искусной огранке.

С трудом поверил великий тренер, что Мириан не знал о существовании вольной борьбы, но – спасибо грузинской борьбе – никогда не пасовал и перед соперниками старше его; взвалил на свои плечи обязанности старшего в доме, заменив в военные годы отца-фронтовика, ворочал пудовые мешки на сельской мельнице.

В таком горниле закалялся характер будущего олимпийщика. Цалкаламанидзе потом вспоминал: «Капитанов работал в «Трудовых резервах», бедном, неприметном тогда обществе. А на соревнованиях доминировали динамовцы, армейцы, спартаковцы, представители «Буревестника». Мне говорили: переходи к

На фронтовом снимке: Л.Капитанов с шурином, капитаном катера «морской охотник» П.Сивенко

нам, брось своего Капитанова, наше общество богаче. Но я в «Трудовых резервах» начал, здесь же и закончил. И учитель у меня всегда был один – Лев Николаевич Капитанов».

Перед решающей схваткой с Мохаммедом Ходжастепуром он вышел в фойе павильона, где соревновались борцы. Еще не знал, сумеет ли победить иранца, который в пятом круге – шутка ли! – одолел непобедимого турка Хуссейна Акбаша.

Теперь все решала одна-единственная схватка. От Мириана Цалкаламанидзе ждали победы в наилегчайшем весе, предстояло теперь выйти на ковер и бороться, как никогда в жизни.

В этом внутреннем монологе вспомнились малень-

кому кахетинцу его дом в селе Кондоли, в зеленом ожерелье садов, бедный дядя Шалико Рчеулишвили, погибший от рук бандитов, - его первый наставник в борьбе, которая в конце концов перевесила его увлечение футболом, вспомнил тренера Льва Капитанова, ребят из команды, ему помогавших после несчастья, когда он за месяц до Мельбурнской олимпиады получил тяжелейшую травму ключицы и не мог тренироваться в полную силу, но тренеры все же его поставили в сборную.

Мириан решительно шагнул в зал. И закружилась карусель на ковре. Никто не хотел уступать, каждый нацелен на победу. На пятой минуте произошло то, что заставило зал замереть от неожиданности, а потом в едином порыве встать с мест. Молниеносный бросок Мириана достиг цели – Ходжастепур летит на ковер, обеими лопатками касается его.

Счастливым Мириан помогает сопернику подняться на ноги, обнимает. Сквозь шум трибун доносятся до него слова одного из тренеров советской сборной, олимпийского чемпиона Хельсинки Давида Цимакурдзе: «Лети сюда, орел!»

Мириан разбегается и летит с помоста в крепкие руки друга.

Специалисты долго потом вспоминали, какое чудо сотворил чемпион Мельбурна. Золотая медаль Мириана была единственной у советских борцов вольного стиля, и тем дороже.

Как самый легкий в команде, он первым выходил на поединок и своим примером увлекал других. После победы над техничным американцем Ричардом Дельгадо встретился с Тадаши Асаи и вконец измотал сильного и гибкого атлета. Но двое судей отдали победу японцу. Это было так несправедливо, что зрители шумно запротестовали, и судейская коллегия удовлетворила официальный протест руководства нашей команды и восстановила справедливость, объявив имя действительного победителя.

«Маленький гигант» из Грузии продолжил восхождение к олимпийской медали. В третьем круге положил индуса Бабана Давара и вышел на Акбаша.

Трижды боролся Цалкаламанидзе с турком, шестикратным чемпионом мира, и каждый раз был вынужден уступить. В 1954 году, на очередном «мире» в Токио вел со счетом 6:2, но, забыв данное тренеру обещание не рисковать, продолжал наступать. И попался на контрприем, в итоге пришлось довольствоваться бронзовой медалью.

Уже после Мельбурна Мириан признается, что великий Хуссейн Акбаш лучше знал борьбу – трижды проигрывая ему по ходу схваток, хитроумно решал труднейшие задачи, что по силам настоящему герою. Редко можно услышать такой отзыв чемпиона о сопернике, и принадлежит он человеку, скромному и честному сердцем, знающему себе цену.

Именно Мириан в решающий момент проявил характер. После проигрыша турка Ходжастепуру возникла уникальная счастливая возможность, и Мириан ею воспользовался.

Оказывается, все просчитал хитроумный Цалкаламанидзе. Выходя на решающий поединок, держал в уме события двухлетней давности, когда, проиграв на чемпионате СССР Георгию Саядову, сумел выиграть на туше у многократного призера всесоюзных соревнований Игоря Караваева, избрав единственный путь к победе на турнире.

Настал час громких побед Цалкаламанидзе. В том

К.Шекиладзе, П.Иорданишвили, Л.Капитанов, Л.Дзеконский, И.Чхртишвили. Начало 70-х гг.

же олимпийском 1956 году он выиграл золотую медаль чемпиона СССР. Через год 30-летний олимпийский чемпион ушел из большого спорта – заслуженным мастером спорта, победителем крупных международных турниров. Ушел к своей самой мирной профессии винодела, любовь к которой у грузина в крови.

Мириан вспоминал: «К Олимпиаде мы готовились, на лодках катались по озеру. Кажется, Вахтанг Балавадзе лодку перевернул. Все в воде. Смеются, а я плавать не умел. Савкуз Дзарасов, чемпион страны в тяжелом весе, 120 килограммов, решил поиграть немножко, меня утопить – всего 52 килограмма я весил. Если бы и не трогал, я сам бы утонул. А тут так его испугался, что убежал на берег, до которого было пять метров. Да нет – не плыл! Они потом рассказали, что я бежал по воде, которая мне была по щиколотки. Резкий я был... В Мельбурне Олимпиаду выиграл, а они меня утопить хотели!»

А теперь – о другом выдающемся воспитаннике Льва Капитанова – Омаре Блиадзе, вице-чемпионе мира в греко-римской борьбе, чемпионе Европы, СССР и победителя Кубка СССР в команде, международных турниров в Чехословакии, Болгарии, Японии, Венгрии, Тбилиси, заслуженном мастере спорта.

Омар вспоминает замечательных тренеров и личности, которые, как и Капитанов, заложили основу грузинской школы борьбы; великие успехи на международной арене представителей этой школы, с манерой борьбы редкой красоты и привлекательности. Это – друзья и соратники Льва Николаевича – Петр Иорданишвили, Леонид Дзеконский, Георгий Вардзелашвили, Нерсес Акопов.

«Помню, когда новичок впервые приходил в наш зал борьбы, ему предоставлялась свобода выбора, кто будет его тренером – спортивным крестным отцом. Так было и в случае со мной. Осенью 1957 года я пришел в клуб палаванов, и после нескольких месяцев как-то естественно моим тренером стал Лев Капитанов. Этому выбору я не изменил на протяжении всей моей спортивной жизни.

После 1965 года, когда меня включили в состав сборной СССР, мы реже с ним встречались, мне приходилось

принимать участие в выездных сборах, с их повышенными физическими нагрузками. Мой организм привык безболезненно их выдерживать. Во время пребывания в Тбилиси я тренировался так же напряженно. Лев Николаевич по старой дружбе меня опекал и все предупреждал: «Омарчик, смотри не перетренируйся!»

Из многочисленных наград Омара самой дорогой сам считает Кубок имени Гиви Картозия. С турнира, где он выступал в трех ипостасях – тренера, участника и советчика молодых. Картозия тогда ему сказал: «Хочу, чтобы мой приз достался именно тебе!»

К V Спартакиаде народов СССР-71 Омар Блиадзе снискал славу одного из лучших в мире. Но пропустил год перед этим из-за болезни, которая свалила его на больничную койку, когда на фоне скрытого воспаления легких шел на тренировки и честно отработывал свою норму, сутками не вылезал из зала.

Соперники времени не теряли, готовились, и самый опасный из них алмаатинец Валерий Резанцев, на редкость целеустремленный и жесткий на ковре, борец огромной физической силы.

Такой соперник был у Блиадзе в схватке за золото Спартакиады, как он и ожидал. После четырех побед Омара устраивала и ничья. И словно сил прибавилось, был уверен в победе на турнире. Встреча катилась к ничьей, когда за восемь секунд до конца Блиадзе, борец активного стиля, решил дать красивую концовку. Не в характере его становиться чемпионом в ничейном поединке. Но начатый им прием великий Резанцев разгадал и заработал выигрышное очко. Омар второй, как и на Спартакиаде-67.

Жалел ли об упущенном золоте? Безусловно, но был доволен, что на ковре труса не праздновал, боролся достойно.

Послушаем победителя – олимпийского чемпиона Мюнхена и Монреаля, пятикратного чемпиона СССР Валерия Резанцева: «Самым трудным для меня соперником на всесоюзных соревнованиях был Омар Блиадзе. Волевой, сильный и очень честный борец».

Не будем забывать, что конкуренцию этой богатыр-

В.Балавадзе, Д.Цимакуридзе, А.Мекокишвили, Г.Картозия, Г.Схиртладзе, М.Цалкаламанидзе

Мириан Цалкаламанидзе

Омар Блиадзе

ской паре составляли чемпионы мира Александр Юркович и Валентин Оленик. И еще десяток талантливых борцов России, Украины, Казахстана... Среди них блистали грузинские борцы Тамаз Мачавариани и Котэ Гугунишвили.

В олимпийском 1968 году Блиадзе стал чемпионом СССР и Европы в своей весовой категории 87 кг. Доказал свое превосходство над соперниками в контрольных встречах. А тренеры говорят: опыта у тебя маловато, так что мечту об Олимпиаде отложи на четыре года.

Нарушен спортивный принцип, скажете вы и будете правы. На Олимпийские игры в Мехико поехал Валентин Оленик, третий призер всесоюзного первенства, и занял второе место.

В 1969 году в греко-римской борьбе, как и в вольной, ввели две дополнительные весовые категории, стало их десять перед чемпионатом мира в Аргентине. В интересах сборной тренеры предложили Омару Блиадзе перейти в категорию ниже – до 82 кг. Но сгонщиком веса он не был. Понял это в Мар-дель-Плата, в финале проиграв одно очко болгарину Крумову, которого до этого опередил на чемпионате Европы. Борцы поменялись местами в обидной для грузинского чемпиона обстановке.

Я вкратце рассказал о двух выдающихся воспитанниках, знаменитых борцовских детях Льва Капитанова.

Помните призыв счастливого Давида Цимакуридзе в Мельбурне: «Лети сюда, орел!»

Двое из многих десятков детей, кому великий тренер щедро отдавал знания и опыт, тепло души, никогда не забывая ужаса, испытанного в первый день войны.

Закат жизни Капитанова (он скончался в 1991 году в возрасте 80 лет) пришелся на тяжелый период в стране, нужду и голод, трудности, не обошедшие стороной и его семью. К материальным трудностям добавилась болезнь главы семьи. С божьей помощью нашлись добрые люди, которые постарались облегчить положение пионера грузинской школы борьбы, поддержать и словом и делом.

Низкий поклон вам, люди Страны спорт!

Арсен ЕРЕМЯН

ГЕНЕРАЛ ПОБЕДЫ

В первый день Великой Отечественной войны капитан Владимир Джанджгава и водитель красноармеец Лев Май на пути в штаб дивизии, расположенный в местечке Теленешты, стали свидетелями воздушного боя в утреннем небе Бессарабии.

Бой завязался неравный – между пятью фашистскими «мессерами» и двумя советскими самолетами.

Первый обжатый пламенем «мессер», стремительно падал на землю, когда на шоссе перед «эмкой», в которой сидели капитан и водитель, из кустов выскочил тягач с пушкой на прицепе. Лев Май резко крутанул руль, и «эмка», избежав столкновения, полетела под откос. Но, перевернувшись на триста шестьдесят градусов, автомашина чудом вновь оказалась на колесах. Опережая выговор командира, водитель как ни в чем не бывало рассмеялся и сказал: «Подумать только, чуть-чуть не улеглись в гробы в первый же день войны... Но запомните слово одессита, товарищ капитан: теперь всю войну живыми пройдем».

Лев Май оказался провидцем.

Через несколько недель после этого эпизода капитан Джанджгава стоял у моста на берегу Днестра и налаживал переправу. Все дороги к мосту были забиты танками, пушками, автомашинами, повозками с ранеными, беженцами. Все рвались на восточный берег. Столпотворение у переправы нарастало с каждым налетом немецких пикирующих бомбардировщиков.

Вдруг над самым мостом раздался пронзительный звук, и бомба прошла настил моста. Мощная взрывная волна сбросила капитана в реку.

К счастью, переправлявшиеся через Днестр на

лодке бойцы успели подхватить тонущего командира.

Капитан очнулся в лодке. Красноармеец что-то говорил ему, но он не слышал. Попытался сам спросить, что с ним и где он, но обнаружилась потеря речи.

Владимир снова впал в забытие. Необычайно ярко, в реальных образах, память высветила нечто очень личное и значимое.

...1925-й год. Родное селение Патара Губи. Восемнадцатилетний Володя Джанджгава идет за плугом. Рядом односельчане. И опять капитан видит лицо склонившегося к нему красноармейца. Его о чем-то спрашивают, но он ничего не слышит. Понимает только, что находится среди своих. Успокаивается. И вновь мелькают знакомые лица... Внезапно всплывают в памяти картины из полковой жизни в Батуми. 1936 год. Народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов после посещения части крепко жмет ему, совсем еще молодому командиру, руку и говорит: «Отлично. Везде порядок и чистота. И впредь работайте так же. Желаю успехов».

«Это было, - думает капитан, - это было в действительности. Но что-то было и потом. Что-то такое белое, белого, чего я никак не могу вспомнить...»

И только спустя много часов, придя в себя уже в санбате, капитан Джанджгава вспомнил свое боевое крещение. Это было в необычайно суровую зиму 1940 года. Молодой офицер тогда сопровождал начальника штаба дивизии и заместителя начальника оперативного отдела к месту боевых действий полка. Из-за сильного мороза и глубокого снега за три часа прошли лишь полтора километра. Усталость с каждым шагом сказывалась все сильнее.

Внезапно перед Джанджгава возникла группа белофиннов на лыжах. Они не ждали встречи. После короткой перестрелки белофинны отступили, оставив на снегу двух лыжников. Документы, взятые из планшета одного из убитых, свидетельствовали, что их владелец был графом и командиром батальона.

Война с белофиннами вскоре закончилась. Капитан Джанджгава за мужество и героизм в боях с белофиннами был удостоен ордена Красной Звезды.

...После выздоровления капитан вернулся в часть. Во время одного из боев около Доминешты немцы вывели из укрытия три танка, которые на большой скорости двинулись на наши позиции.

Чтобы остановить танки и не допустить их к позициям, требовалось быстро принять решительные меры.

«Где наши артиллеристы?» - спросил Джанджгава

Владимир Джанджгава

командира батальона.

«Где-то здесь... За лесом, - ответил он. - Но им немецкие танки не видны. Мешает рельеф».

«Необходимо срочно сообщить им: передвинуть орудия и нацелить их на танки», - приказал Джанджгава.

Командир батальона хотел вызвать адъютанта, но Джанджгава перебил его: «Я сам это сделаю быстрее». И мгновенно устремился к лесу.

В условиях непрекращающегося обстрела надо было пройти примерно 250 метров.

Вот когда пригодилась капитану отличная физическая подготовка.

Артиллеристы прямой наводкой расстреляли два вражеских танка, а третий отступил.

Поздней осенью 1941 года два советских офицера 15-й стрелковой дивизии В.Джанджгава и Н.Слащев были направлены со специальным заданием в небольшой населенный пункт в район Донбасса. Вечером после выполнения задания офицеры зашли в

парикмахерскую. Первым брился Слащев, а Джанджгава просматривал газету. Вдруг раздался звон, и над головой Джанджгава разбилось оконное стекло. Нагнувшись, он обнаружил на полу еще теплую пулю. Невольно вспомнилось пророчество Льва Мая...

«Похоже, целились в тебя», - сказал Николай Слащев.

«Возможно, рикошет», - ответил Джанджгава.

Оба офицера быстро вышли на улицу. Темнело. Внезапно метрах в сорока показалась группа автоматчиков, одетых в советскую военную форму. Группа направлялась в сторону тыла армии. Джанджгава, решив, что это дезертиры, решительно скомандовал:

«Стойте, ни с места! Вы куда?»

Вместо ответа раздалась автоматная очередь. Не было сомнения, что стреляли немецкие десантники, переодетые в форму красноармейцев. Враг старался захватить советских офицеров живыми.

Не поднимаясь с земли, они проползли в какой-то коридор, ведущий через двор на другую улицу.

«Бежим к вокзалу, - сказал Джанджгава. - Надо срочно сообщить нашим...»

Не успел закончить фразу, как вновь раздалась выстрелы. Еще одна группа немцев шла навстречу. Слащева ранило в руку, и Джанджгава пришлось уходить, взвалив товарища на спину. Десантники были все ближе. Неожиданно в темноте возникло препятствие – высокий деревянный забор. Никаких шансов обойти его в считанные секунды. Тогда запыхавшийся Джанджгава, собрав все силы, рывком поднял вверх раненого и перебросил через забор. Сам же отошел, разбежался и благополучно преодолел препятствие. Преследователи, растерявшись в темноте, продолжали вслепую поливать автоматным огнем безлюдные улицы.

Заканчивался июнь 1943 года. Советское командование располагало обширной и разнообразной информацией о противнике, в частности, о сконцентрированном на Курском выступе.

Наша разведка установила срок начала вражеского наступления с точностью до трех суток. Оно ожидалось между 3 и 6 июля.

Командующий фронтом генерал армии К.К. Рокоссовский при посещении 15-й Сивашской стрелковой дивизии 1 июля поставил задачу непременно добыть «языка» именно на участке дивизии. «Это мой личный приказ!» - подчеркнул он.

После отъезда командующего Джанджгава, начальник штаба и начальник разведки занялись разработкой конкретного плана захвата «языка». В соответствии с этим планом две разведгруппы выступили 4 июля в 22.00.

Потянулись томительные минуты ожидания. Владимир Николаевич в который раз взглянул на часы.

И вдруг, перевалив через бруствер траншеи, разведчик – сибиряк Федор Семенов сбросил со спины тяжелую ношу. Не скрывая радости, доложил:

«Задание выполнено, товарищ полковник! Фрица взяли в минных полях. Там их человек двадцать возилось...»

В ожидании ценных сведений Джанджгава обратился к переводчику:

«Спросите, что они делали на минном поле?»

Пленный назвал данные своего подразделения. Сообщил, что солдаты саперного взвода делали проходы через поле для танков и пехоты. «Проходы... - подумал Джанджгава. - Значит, готовят наступление!»

Спортивные журналисты после награждения в ЦК ДОСААФ Грузинской ССР. Начало 70-х гг.

«Спросите, когда они начинают наступление?» - сказал Джанджгава переводчику.

Пленный немедленно ответил:

«Пятого июля. Начало артподготовки в два часа тридцать минут. Пехота и танки на исходных позициях. Для атаки. В частях уже зачитан приказ Гитлера о наступлении».

Владимир Николаевич связался с командиром армии и получил приказ доставить пленного в штаб.

До начала битвы на Курской дуге оставалось несколько часов...

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» пишет: «В течение всего дня 5 июля противник провел пять яростных атак, пытаясь ворваться в оборону наших войск, но не сумел добиться существенных результатов. Почти на всех участках фронта войска твердо стояли на своих рубежах, и, казалось, что пока нет такой силы, чтобы сдвинуть их с места. Только к исходу дня в районе Ольховатки и еще кое-где части противника вклинились в нашу оборону на глубину от 3 до 6 км.

Особенно мужественно дрались воины 13-й армии, в том числе 81-я дивизия генерала А.Б. Баринова, 15-я дивизия полковника В.Н. Джанджгава, 307-я дивизия генерала М.А. Еншина и 3-я артиллерийская истребительная противотанковая бригада полковника В.Н. Рукусуева».

В июне 1944 года В.Н. Джанджгава вступил в командование 354-й стрелковой дивизией 65-й армии, которой командовал прославленный генерал Павел Иванович Батов.

Началось освобождение Белоруссии, а затем и Польши. Небывалое по масштабам и скорости наступление советских войск требовало от каждого бойца и командира предельного напряжения духовных и физических сил.

До конца войны оставалось менее полугода. Но у дивизии генерал-майора Джанджгава впереди были тяжелые кровопролитные бои на берегах Нарвы, Вислы, по уничтожению врага на побережье Балтийского

моря – от устья Вислы до устья Одера. Предстояли сражения за города Гданьск, Гдыня, Щецин. Кстати, впоследствии командарм П.П. Ватов был удостоен звания почетного гражданина города Гданьска, а комдив В.Н. Джанджгава был избран почетным гражданином города Щецин.

Наконец настал долгожданный День Победы. В 13 приказах Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина были отмечены мужество и доблесть 354-й дивизии». Ее 38-летний командир генерал-майор В.Н. Джанджгава за выдающиеся воинское мастерство и героизм был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

После войны генерал Джанджгава окончил Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР им. К.Е. Ворошилова, командовал крупными воинскими соединениями в разных военных округах страны. К этому времени он был широко известен как один из самых опытных военачальников.

В 1953 году нашему отважному земляку было присвоено воинское звание генерал-лейтенант, а через год он возглавил Министерство внутренних дел Грузии.

С 1963 года до последних дней жизни – он скончался в апреле 1982 года – генерал В.Н. Джанджгава был председателем ЦК ДОСААФ Грузинской ССР и без остатка отдавал все свои силы и энергию, богатый опыт и знания делу укрепления организаций оборонного общества, развитию и пропаганде военно-технических видов спорта. Под его руководством ДОСААФ Грузии выдвинулось в ряды лучших в стране. Он вел большую общественную работу, избирался депутатом Верховного Совета Союза ССР трех созывов, членом президиума Советского комитета ветеранов войны, на протяжении ряда лет возглавлял Тбилисскую секцию СКВВ. Он был добрым наставником молодежи, ей посвятил свои книги «Немереные версты» и «Верность».

Леван ДОЛИДЗЕ

СЛУЖИТЕЛЬ ПРАВДЫ И ДОБРА

Следящие за грузинской прессой за последние десятилетия не могли не обратить внимание на творчество литератора Вилена Мардалеишвили. Перейдя рубеж шестидесяти лет, он издал книгу избранных статей, многокрасочную и увлекательную – «Какой я есть...», в которой со всей полнотой проявилось его творческое лицо, культура писательства. Редко встретишь человека, который успел сделать столько полезного, с такой любовью.

С первых строк журналист увлекает читателей простым, ясным стилем повествования. Со своими задачами справляется легко, безошибочно выделяя главное, никогда не теряя динамизма, чему во многом способствует мастерски построенный диалог. Большинство материалов написаны в жанре интервью; раскрыты внутренний мир и характер собеседника. Известный испанский музыкант писал: человечество потому мучается, что люди испытывают недостаток общения, столь нужного для взаимопонимания. Этими качествами сполна наделен Вилен Мардалеишвили.

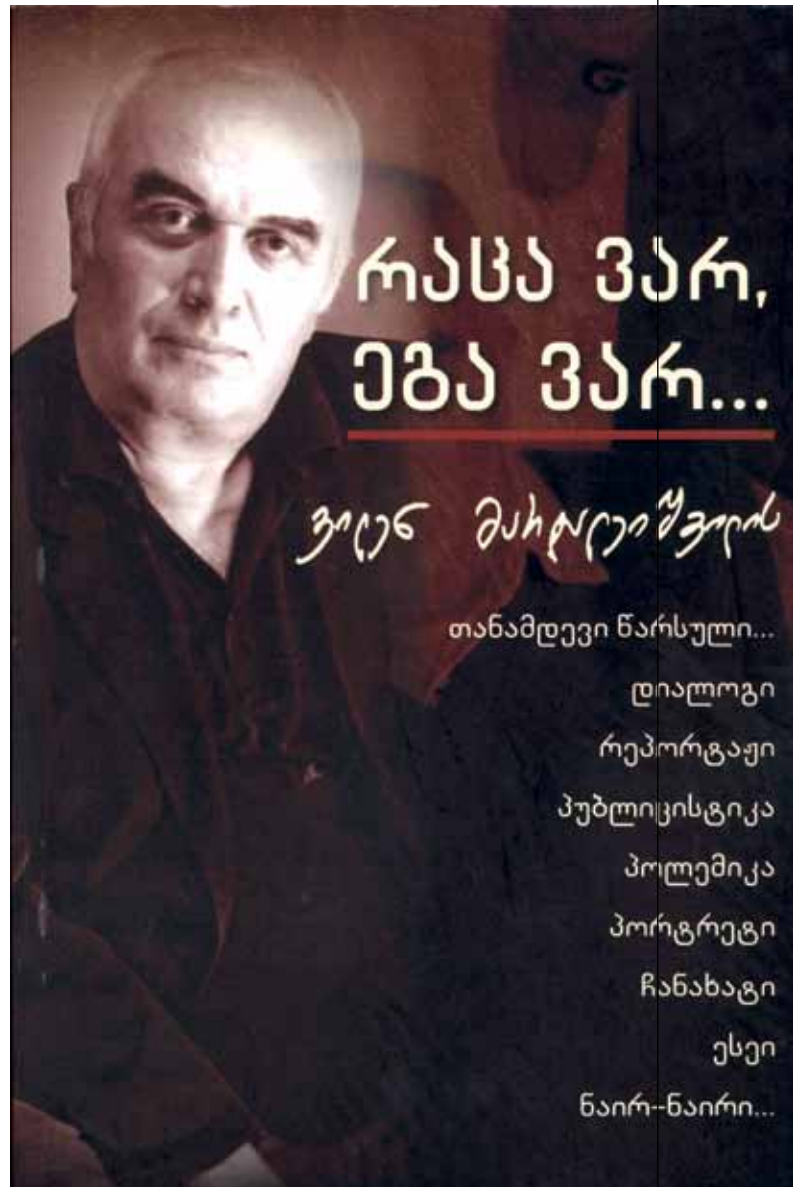
В книге представлена грандиозная галерея известных людей. Какие только лица не высвечиваются на ставших уникальными фотографиях. Всех не перечислить! Отмечен человеческим теплом и с неослабным интересом читается первый же мемуарного характера материал автора – «Божий дар» – беседа со старшим внуком Анано в Александровском саду о своей жизни. Вилен Мардалеишвили ни на минуту не забывает предков – их воспитательных корней, и так же сердечно приветствует потомков, выросших на этих корнях.

Знакома внука с делами минувших лет, он с болью высказывает мнение: древнейшей грузинской культуре и, вообще, духовности мало уделяем внимания, землю предков не храним, как следовало бы. Много горьких слов высказывает о нашем недостатке, лени.

Одно из достоинств Вилена Мардалеишвили – он помнит бескорыстие людей, которые направили на путь, помогли полностью овладеть трудной и почетной профессией журналиста. С благодарностью и любовью вспоминает годы учебы в Тбилисском университете, лекторов, друзей-однокурсников. Привлекательными и живыми штрихами рисует наших преждевременно ушедших талантливейших поэтов Шота Чантладзе и Заура Болквадзе, памятных не одному поколению студентов университета.

В рамках тогдашнего режима пресса, литература чувствовали себя не очень вольготно, но Вилен и его старшие друзья-единомышленники всегда старались в центральных газетах с большими тиражами внести знак жизни, луч света; многие годы вели емкую рубрику – «Гость номера», посредством ее старались избегать окаменевших штампов стандартного мышления, знакомили читателя с замечательными людьми.

Наш друг Вилен никогда не испытывал недостатка ответственности. «Ежедневным девизом» оставалось для него дело, но и того он не скрывал, что иногда, в узком

кругу друзей, любит застолье, с добрым вином и водкой, за которым создается соответствующее настроение. Романтик душой, он пишет запоминающиеся стихи.

На меня особое впечатление произвел сюжет о радете, казалось бы, навсегда потерянных древнейших грузинских песен, неустанном хранителе нашего богатейшего музыкального фольклора, личности редкого таланта, знаний и духовности, Анзоре Эркомашвили. Речь идет о поэтическом гене этого рода, в частности, светлейшем лике легендарного деда Анзора, Артема Эркомашвили. В сердце каждого грузина должны быть запечатлены золотые слова этого чародея песни, завещанные любимому внуку. Они заслуживают того, чтобы их привести полностью: «Мы не получили профессионального музыкального образования, время было такое. Сегодня, внук, ушло старшее поколение певцов, и мы уходим понемногу. Эти песни нуждаются в сохранении, в рачительном хозяине. Молодежь это мало интересуется; наши известные певцы и последние знатоки гурийского многоголосия – Варлам Симионшвили и Дмитрий Патарава ушли, и теперь я один остался с этим достоянием, которое на деньги не купить и золотом не взвесить. Цену этого достояния ты пока не поймешь. Равного ему в мире нет. Если со мной что случится, это богатство уйдет со мной, чего нация не простит, чего никто не восстановит, и этот грех ляжет на нас

с тобой. Знай, это не только твое и мое дело, оно общее. Гурийская народная песня у тебя в крови, потому лучше других сможешь выполнить эту миссию, если получишь музыкальное образование...»

Я не буду распространяться, как и с каким рвением выполнил завет предка А.Эркомаишвили, представитель шестого поколения рода.

О моем друге юности, недавно скончавшемся талантливым писателе Эрломе Ахвледзиани (его журналист вспоминает сидящим в университетском саду, рядом с Шота Чантладзе) я редко читал более изящного и впечатляющего, чем короткая трехстраничная публикация Вилена Мардалеишвили («Я такого Пиросмани представляю, каким его увидел Авто Варази»). Здесь мастерски, с большой правдивостью воскрешено время, сложные условия и обстоятельства. Так был написан сценарий лучшего, всемирно известного фильма Георгия Шенгелая «Пиросмани». То же можно сказать про зарисовку о большом ученом, блестящем лексикографе и фольклористе, вдумчивом руствелологе Алекси Чинчараули («Зима хевсура»), из которой узнаем много важного; спокойное повествование приправлено искрящимся юмором.

Такие публикации в книге нередки, и кроме того, что приносят пользу, расширяя наши знания, доставляют большое эстетическое удовольствие.

Наша гениальная актриса Сесилия Такаишвили всячески избегала рекламы и общения с журналистами, но Вилен прибегнул к уловке, оставил ей вопросы, и калбатоки Сесилии ничего не оставалось, как ответить на них с откровенной прямоотой. В этом материале («Поколение») приведено мнение нашего выдающегося режиссера Гиги Лордкипанидзе о неисчерпаемых возможностях артиста, всего один абзац, который хотим привести: «Когда режиссер думает об артисте, выразителе его художественного кредо, здесь столько качеств требуется, и невозможно, чтобы они были у одного человека. Есть счастливое исключение – Сесилия Такаишвили; она представляется мне идеальной носительницей всех актерских качеств».

К журналистским удачам можно отнести и многоплановый и чрезвычайно привлекательный материал – «Поэту, обреченному на жизнь в любви, или 100 вопросов Марике Бараташвили», достойной представительнице грузинских писателей, благословенной на это поприще Шио Мгвимели. Здесь ответы на множество вопросов – лаконичные, запоминающиеся, полезные для исследователей литературы, и все же один я должен привести: «Во сне что вы чаще обычно видите?» – «Во сне часто вижу небо, исчерченное пестрыми птицами, они кружат и щебечут, будто я с ними летаю, хочу подняться выше, но небо перекрыто, сделать это я не в силах».

Такое мог сказать о себе только истинный поэт.

Беседа Вилена Мардалеишвили со старшим внуком представляет собой «непрерывную цепь поколений» и заканчивается так: «Эти вспыхнувшие в памяти факты, воспоминания в Александровском саду я посвящал подарку небес – моему старшему внуку; потихоньку писал, понемногу печатал и тем временем прошло добрых пять лет. У Анано уже есть брат – крошка Акакий, Господь даровал продолжение моего рода. Подрастает четвертое поколение моего деда, Владимира Мардалеишвили. Благодарю, тебя Господи. Теперь понемногу буду готовиться уйти в небесную Грузию, и уйду с мыслью, что внук, моя кровь и плоть, будет жить лучше и счастливее меня на этой благодатной земле, больше разовьет свой талант и способности на благо родины, во славу рода!»

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

ИСПОЛНЕНИЕ СЫНОВНЕГО ДОЛГА

Боже, как я жалел этих печальных ребят – моих ровесников, что не переставали терпеливо ждать пропавших на войне отцов... Как бы совестно даже было перед ними – у меня был отец, чудом спасшийся из этого огненного ада и живым-невредимым возвратившийся, мне было легче расти, чем моему Шота, моему Резо, моему Ачико...

Я учился в Тбилиси на филологическом факультете университета и более всего сблизился с приехавшим из села Эцера Самтредского района Торнике Копалеишвили – высокий, красивый, как считали университетские девушки, «европейский тип», он неожиданно присоединился к нашему тбилисскому окружению...

Торнике молился на отца, которого не помнил, отца, которого знал по рассказам матери, Софы Какабадзе, педагога сельской школы, а потом, когда подрос, по хранимым матерью фронтовым письмам-треугольникам, мечтал о встрече с отцом... Такое тепло в адрес жены – теперь уже главы семьи – такое великое уважение, высокая духовность исходили от этих наспех написанных строк...

Как «пропал» и куда «пропал» отец, спустя десятилетия узнал Торнике, а вначале так начинал свой путь в огне самой беспощадной войны Авксентий Копалеишвили.

Жил молодой, полный сил человек в селе Эцера Самтредского района, умело руководил колхозом – счастливый был Авксентий – большим доверием пользовался среди односельчан, имел свою избранницу сердца, которая через год подарила ему сына и наполнила жизнь смыслом и надеждой.

Это то время, когда в воздухе уже пахло порохом, Авксентий призывного возраста, хотя как глава села имел так называемую «бронь», освобождающую от службы в армии. Но как пошутил собеседник за столом: какой ты мужчина, если не брал в руки винтовку. Авксентий идет в районный военкомат и настоятельно просит отправить его на военную службу. Ничто не помогает, ни просьбы родственников и близких, немая моляба в глазах молодой жены, годовалого сына, Торнике тепло...

Человеком был Авксентий, мужчиной самолюбивым... К тому же, неудивительно: тогда все молодые люди, кому позволяло здоровье, первейшей обязанностью считали службу в армии.

В феврале 1941 года рядовой Авксентий Копалеишвили был зачислен в артиллерийскую часть, которая была дислоцирована в украинском городе Черкассы. Именно отсюда отправил Софье первое солдатское письмо. Потом Софья получила письма из Житомира, и наконец, из Умани. Эти послания полны надежды, веры, мужчине нравилась армейская служба, но настало 22 июня, и внезапно прервалась мирная жизнь миллионов людей. Началась война с вооруженной до зубов фашистской Германией... Последнее письмо мужа Софья получила из Черкасс, а ответное с фотокарточкой Торнике вернули обратно с кратким извещением: «Ваш муж пропал без вести...» Так прервалась связь членов семьи с самым дорогим человеком – любимым мужем и отцом...

Легко сказать – «пропал без вести». Дело было куда трагичнее, но так семью «успокаивало» военное

начальство.

Немцы наступали. Окружали и несли смерть целым дивизиям и армиям. То, что происходило в начальный период войны, боевые действия на юго-западном фронте, описано в известном рассказе «Зеленая Брами» поэта Евгения Долматовского. Других источников, дающих более полные сведения об этих событиях, я не знаю. Но, несомненно, это одна из самых драматичных страниц истории войны.

Достаточно сказать, что именно на этом направлении произошло окружение и пленение наших двух армий. Плохо вооруженные и недостаточно обученные, советские воины все же проявляли невиданную стойкость и героизм. Но силы были слишком неравными... Именно здесь сражался доброволец из Грузии. Его отвага и героизм замечены командованием, и уже в начале боевых действий он стал старшим сержантом. Авксентий командовал артиллерийским расчетом 342 гаубичного полка, входившего в состав Рогачевской Краснознаменной 169 стрелковой дивизии, которой командовал генерал Турунов, чей боевой путь был героическим и трагическим. За два месяца оборонительных боев она практически полностью погибла.

В архивных материалах Первомайско-Владиевского межрайонного военного комиссариата читаю: «342 гаубичный полк отошел на левый берег реки. Бойцам было поручено укрепление обороны Первомайска с юга. Там же, на западной окраине города действовал, командный пункт комдива, который был смертельно ранен в бою...»

В Центральном архиве Минобороны России мне предоставили такую запись: «Командир расчета 342 гаубичного артиллерийского полка, старший сержант Авксентий Копалеишвили, родившийся в 1915 году в селе Эцера Самтредского района Грузинской ССР, член ВКП(б), погиб 3 августа 1941 года. Похоронен в Первомайске...» Надо сказать, что в том полку плечом к плечу с Авксентием сражались много выходцев с Кавказа, много грузин... Они защищали железнодорожный мост, и все погибли, фашисты устроили здесь кровавое гумно. Из 15-ти тысяч бойцов краснознаменной стрелковой дивизии генерала Турунова в эти трагические дни в живых остались только 900 (!) человек. Многие погибли, защищая южную часть города, но из-за сложности обстановки большинство считались без вести пропавшими...

Каждый раз, получив стипендию, мы, трое-четверо однокурсников, собирались за столиком в саду «Самайя». Среди нас Торнике – сирота, ожидающий пропавшего на войне отца. Отца обычно поминали стоя и молча, опорожнив стаканы до дна... Мы знали, что Торнике носил выходной отцовский костюм, переделанный матерью, благословившей его на учебу в город Тбилиси... Эта одежда как бы хранила тепло отца... Вообще, «пропавший» на войне отец стал ориентиром нашей дружбы. Торнике искал следы отца, кого только не расспрашивал, и книгу Евгения Долматовского, можно сказать, выучил наизусть, и так, постепенно, вроде приближался к намеченной цели. Дело в том, что Торнике Копалеишвили после филфака окончил и экономический факультет Тбилисского университета; способный молодой человек переехал в Москву и принялся за свое «главное дело» – продолжил поиск следов отца, но, к сожалению, различные высокие инстанции, куда обращался Торнике, просто хранили молчание. Не было и в Центральном архиве минобороны СССР возможности что-то прояснить. И, все-таки, наконец,

Торнике Копалеишвили (во втором ряду крайний справа) с грузинскими писателями

забрехала надежда, когда связался он с поисковым центром «Подвиг».

Нашлись здесь хорошие люди, и по инициативе председателя общественного объединения международного союза ветеранов войны и военнослужащих, генерала Степана Кашурко к поиску активно подключились и работники Первомайско-Владиевского военного комиссариата. И вот, к 60-летию Великой Отечественной войны Торнике получил письмо из Украины, оттуда, где погиб отец.

В августе Торнике Копалеишвили со своим другом Тамазом Мгалоблишвили приехали в Первомайск, посетили братское кладбище, где его отец – Авксентий Копалеишвили покоится со своими боевыми друзьями. Выразил большую благодарность местным жителям за проявленную заботу о мемориале. Местная газета «Вестник Первомайска» предоставила целую страницу трагической истории Великой Отечественной этого края.

***

«Кто я... чем превзошел моего отца?.. Ничем!.. Что могу сделать из того, о чем рассказывали и рассказывают односельчане – о удивительном мужестве Авксентия Копалеишвили? Хотя благодарен Создателю, что не обделил меня отцовской нравственностью, не погасил сыновнюю любовь... Об одном жалею: моя мать не успела прочитать на братском кладбище фамилию любимого супруга...»

***

Сейчас мой «Копала» находится в Москве, завтра появится в Тбилиси, на следующий день свидимся с родными местами в Эцера, не будет Торнике обойден вниманием друзей... Окруженный внуками и правнуками, вспомнит отца... Бизнесмена, мецената, благотворителя пусть всегда озаряет светлый образ отца, сопровождает по жизни во всех добрых делах.

Вилен МАРДАЛЕИШВИЛИ
Перевел Арсен ЕРЕМЯН

А ЛЮБОВЬ ВСЕ ЖИВЕТ...

Очарована и околдована с первых же нот бессмертного «Ах, эти черные глаза», публика уже не освободится от этого светлого наваждения. «Чудесным языком романса к нам взывает сама любовь», - и никто в этой аудитории не станет возражать ведущей вечера Людмиле Артемовой-Мгебришвили. «Романс никогда не станет модным. Он просто останется вечным», - и эта сентенция ведущего Георгия Гасвиани ни у кого возражений не вызывает.

Но в какой же неразрывной связи оба этих изречения с ней – царевной грузинской эстрады, блистательной и незабвенной Медеей Дзидзигури, вечер памяти которой прошел в Большом зале Театра им. А.С. Грибоедова...

«Помни обо мне» - так называлось сценическое

действие, посвященное 70-летию безвременно угасшей звезды. Организаторы отказались от традиционного формата проведения подобных вечеров, обошли вниманием обязательную биографическую анкету – кому же из присутствующих не известны главные вехи этого короткого, но столь яркого жизненного пути...

Вечер был построен на светотеневых контрастах, и, несмотря на то, что это был вечер памяти, в нем отчетливо прослеживалась не только минорная, но и мажорная тональность: горечь утраты и счастье приобщения к нетленному искусству Медеи Дзидзигури...

И частичку этой сопричастности каждый зритель унес с собой – всем зрителям был вручен в подарок аудиодиск с 28 лучшими романсами и городскими песнями в исполнении Медеи Дзидзигури.

Редкий случай: никто из приглашенных организаторами исполнителей не отказался выступить и никто не потребовал гонорара... А участниками вечера стали замечательные мастера – песни из репертуара Медеи Дзидзигури звучали в исполнении Нуну Габуния, Нанули Абесадзе, Ирмы Сохадзе, Тамрико Чохонелидзе, Верико Турашвили, Эки Квалиашвили, Майи Джабуа, Нукри Капанадзе, Лаши Глonti, ансамблей «Форте», «Палитра», других талантливых исполнителей.

Организатором вечера выступил Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб». А главная роль принадлежит всей душой преданным своему делу людям, и в первую очередь следует назвать президента «Русского клуба» Николая Свентицкого. Николай Николаевич, несмотря на разницу в возрасте, дружил с Медеей Дзидзигури. Они были действительно большими друзьями. За два дня до кончины Медеи Дзидзигури он пришел к певице, подбадривал, даже «требовал» немедленно подняться и станцевать с ним... «Подожди пару дней, дай мне прийти в себя, и мы с тобой станцуем», - улыбнулась Медее. И через два дня отошла в вечность.

Ведущая артистка Грибоедовского Ирина Мегвинетуцеси – тоже небывалый случай – отказалась от ведения вечера в пользу ответственного за постановку – освещение, декорации, техническую часть...

Автор литературного сценария Нина Зардалишвили сказала мне, что композитор и певица Нуну Габуния, уже упомянутая в числе участников, ближе к концу вечера не могла скрыть восхищения публикой: «Боже, какой зал! Как они чутко реагируют!» А реагировать было на что. Организаторам удалось главное – совместить высокий художественный уровень с насыщенной информативной составляющей и все это приправить динамизмом, не позволяющим публике заскучать. И еще один замечательный постановочный «вираж» - видеоряды, всегда к месту и ненавязчиво вкрапливаемые в литературно-музыкальную ткань вечера. В одном из них, например, Медея Дзидзигури предстает выступающей на разных языках и в разных образах... А в другом видеоблоке мы увидели дивно-детское восхищение, озаряющее лицо Медеи, когда она смотрит на любимых и талантливых людей... Это абсолютно лишенное завистливости отношение к чужой одаренности. Не случайно ведущие поведали сколь трогательную, столь и правдивую историю из ее жизни: «Как-то в подземном переходе Медея услышала музыкантов. Она была в восторге от того, как они пели и играли. Но нет, она не ограничилась аплодисментами или щедрым подаянием. Медея не успокоилась, пока не организовала этим музыкантам выступление на профессиональной сцене. Вот так – ей хотелось не только помочь, но и поделиться радостью... Есть много деятелей культуры, которые не помогают никогда и никому. Может быть, боятся – а вдруг кто-то добьется большего, чем они? Медея же учила молодых петь с радостью, отдавала им себя всю – бери, только бери!.. А какие щедрые подарки она делала! Как вы думаете, многие ли певцы любят делиться сценой? А она любила. И на своем концерте могла не только подарить любимую песню дорогому человеку, но и сделать его полноправным участником собственного выступления...»

Оформление сцены заслуживает отдельного отступления. Ее центральным объектом в этот вечер стала театральная тумба, обклеенная афишами выступлений Медеи, в частности, афиша ее концерта в Грибоедовском театре, ведущим которого был Гия Чиракадзе. Зрители имели возможность увидеть на экране те фрагменты, где Медея Дзидзигури кружится в «огненном» танго с Чиракадзе, легендой грузинской эстрады, непревзойденным конферансье. И на глазах одного из почетных гостей вечера, Гии Чиракадзе, блеснули слезы...

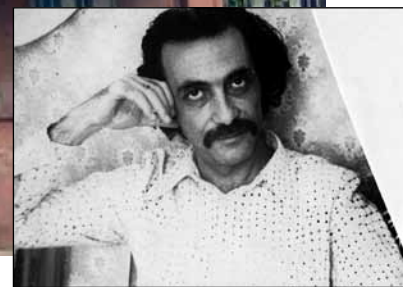
Не скрывал слез и воистину народный поэт Джансуг Чарквиани. Песня на его слова – «Вновь ты приходишь и вновь отдаляешься» - стала одной из культовых в исполнении певицы...

Медею Дзидзигури действительно любили. И хотя

любовь в доказательствах не нуждается, не подкрепленная делами, она может остаться лишь пустым звуком. МКПС «Русский клуб» и все друзья Медеи Дзидзигури – на сцене и в зале, делом подтвердили: и спустя 14 лет после ее кончины их сердца все так же устремлены навстречу ее светлому образу.

Владимир САРИШВИЛИ

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

Чем дальше мы перелистываем страницы истории старого тбилисского района Сололаки, вспоминая и называя известные всему миру литературные имена, тем больше возникает ощущение: да тут жили сплошные классики! Доносились из окон поэтические и философские споры, прерываемые музыкальными ругаями, по брусчатке мостовых бродили удивительные, непонятные нынешнему прагматичному веку люди... И практически каждый дом готов был распахнуть свои двери, чтобы стать местом встреч для бурных дискуссий идеалистов, желающих изменить мир. Все это так и... не так. Потому что далеко не каждому, встреченному нами, удалось громко и весомо сказать свое слово. Звучали здесь и другие имена – не очень известные в большом литературном и научном мире. Они остались на этих крутых улочках своеобразным паролем. Для знающих, для своих. И, не вспомнив этих людей, просто невозможно покинуть сплетение улиц Энгельса-Коджорской-Давиташвили. Так звучали их названия в прошлом веке, когда наши герои были молоды и жизненные невзгоды казались лишь поводом для создания новых строф и философских теорий.

Человек, обитавший на втором этаже дома №43 нынешней улицы Асатиани (Энгельса), а затем в самом начале сохранившей свое название Коджорской,

среди литераторов не значится. Но именно у него в 1960-1990-е годы собирались на посиделки тбилисские интеллектуалы. Степан Ананьев или просто Степа, как называли его даже младшие по возрасту – удивительный человек с очень нелегкой судьбой. Сын убежденного, видного коммуниста, устанавливавшего советский строй в Баку и в Армении, стал одним из первых диссидентов. Власть, которую создавал его отец, он не воспринял. И, скорее всего, не только потому, что та власть в 1937-м внесла человека с партийным именем Авис в список своих слуг, подлежащих уничтожению. Степа практически не знал отца – тот с оружием «строил светлое будущее» за пределами Грузии. Да и было мальчику всего четыре года, когда революционный путь родителя завершился пулей в подвале НКВД. Под фамилией матери, после смерти которой с ним на годы осталась заботившаяся о нем тетушка Зоя Герасимовна, Степан вошел в историю не только Сололаки, но и диссидентского движения в СССР. Вся его натура, не признававшая малейшего насилия, протестовала против тех принципов, которыми жила «страна победившего социализма».

Друзья детства вспоминают, что у Степы еще в школе были универсальные знания. Его просили прочесть доклады на самые разные темы для ребят, ко-

Степан Ананьев

торые были несколькими классами старше. Как все и думали, он со своей золотой медалью идет на физмат. Но не проходит и пары лет, как понимает: это – не его сфера. И отправляется на философский факультет МГУ. Медалисты должны были проходить лишь собеседование. Но именно на нем экзаменаторы, упертые в «единственно правильную идеологию» - марксистскую, узрели опасность. Уж слишком широко и нестандартно мыслил этот абитуриент. К тому же, он – сын «врага народа». И на льготное место попадает другой парень, с «правильной» биографией. Степа же, после очередной попытки, оказывается на заочном отделении. А там ему, между прочим, преподает не кто иной, как еще не впавший в немилость выдающийся логик, социолог и писатель Александр Зиновьев. И можно только предполагать, насколько велико было влияние этого человека, которого потом вынудили покинуть родину, а на Западе назвали видным советским диссидентом. Хотя сам он таковым себя не считал. Ананьев тоже не зачислил себя в этот разряд, но его эрудиция не позволяла удовлетвориться марксистскими догмами. Да и вся советская действительность давала молодому философу немало оснований для раздумий, обобщений, поисков высшей истины.

В Тбилиси он находит единомышленников, у него собираются, как говорится, думающие люди. «Все чувствовали себя уверенно... там жила мысль, там царили идеи, - свидетельствует из Америки автор более дюжины книг прозы, поэзии и философской эссеистики Аркадий Ровнер. - Удивительно, как он умел оживлять запыленные временем философские системы, в его присутствии мысли не пронеслись мимо, не проскальзывали бледными тенями, а расцветали букетами смыслов, выстраивались анфиладами дворцов, поднимались ввысь ярусами башен. Иногда Степа играл на рояле, играл громко и патетично, как будто говорил страстную речь. И говорил он тоже громко и уверенно, отливая мысль в чеканную, может быть, даже чересчур правильную русскую фразу». Конечно, на этих вечерах, поэтических и музыкальных, рождались и темы, касающиеся идеологии, политики, даже переделки несовершенного мира. И, в конце концов, появляется «Манифест технократов». Уже во вступлении к нему говорится, что много лет власть обманывает народ и не выполняет своих обещаний. Легко догадаться, о чем речь шла дальше, почти на трех страницах. Однако молодой вольнодумец – идеалист не только в философии, но и в жизни: из манифеста не делается никакой тайны. А в дом к Степе кто только не вхож! И в один непрекрасный день туда пожаловали люди в штатском.

Около трех месяцев следователи уговаривают Ананьева сказать, где спрятан единственный рукописный экземпляр манифеста. Именно уговаривают, ведя разговоры о том, что за окном идет прекрасная жизнь, а он вынужден сидеть за решеткой. Ему надо только назвать место, его тут же выпускают без всяких последствий – мало ли, чего не сделаешь по молодости. И Степан говорит, куда укрыл кощунственный документ. Манифест тут же подшивается к делу, звучит термин «неомарксизм»... Прочтем выписку из архива московского научно-информационного и просветительского центра «Мемориал», опубликованную в издании «Жертвы политического террора в СССР»: «Ананьев Степан Аветович. Родился в 1933 г., Тбилиси; армянин; член ВЛКСМ; студент 4 курса философского ф-та, лектор горкома комсомола г. Тбилиси. Проживал: Тбилиси. Арестован 6 марта 1958 г. Приговорен: Верховный суд ГССР 29 мая 1958 г., обв.: 58-10 ч.1, 58-11... Приговор: к 4 г. ИТЛ». До того, как удалось найти эти строки, я считал, что Ананьев отбывал срок с 1962 по 1966 годы – так утверждают люди, ставшие ему близкими после его возвращения из заключения. Но были и данные о том, что еще в 1960-м Степана навещил в лагере Ровнер. Документ, сохраненный «Мемориалом», расставляет даты на свои места.

Четыре года ИТЛ, то есть исправительно-трудовых лагерей... Не трудиться в них он не мог, а вот с исправлением не получилось. За что Степа не раз был отправлен не только в карцер, но и в узкий шкаф, специально придуманный для «неисправимых». А кличка «Граф», которую он получил от эзков на Кумарханском этапе, свидетельствует о том, как держался на «зоне» тихий тбилисский философ. Впрочем, как утверждает его близкий друг послелагерного периода, академический доктор химических наук Святослав Гогоберишвили, первым так назвал Ананьева читавший философию в Грузинском политехническом институте Лев Саакян. Многие называли его Учителем. «А я, за глаза, звал его учителем учителей, - вспоминает Святослав. - В 70-80-е он очень многих подвинул на размышления. К нему приходили те, кто находился, как тогда говорили, во внутренней эмиграции, в том числе и люди с учеными степенями. Все, кто с ним общались, могут сказать, что Степа оказал влияние на какие-то важные моменты развития их жизни. Я, например, из материалиста стал идеалистом. Таковым был и Степа. Если бы не четкое, рациональное мышление, его могло быть по названию мистиком. Логически он не отвергал мистический опыт, но апеллировал к рассудочным началам в идеализме». Учителем называет его и Аркадий Ровнер, посвятивший ему в своей книге первую главу - «Друг мой Степа. Рассказ о первом наставнике». А то, какое влияние Ананьев оказал на товарищей по заключению, иллюстрируют поездки его тбилисских друзей за пределы Грузии. В каком бы городе они не оказались, одного имени Степана было достаточно, чтобы перед ними распахнулись двери домов бывших политических эзков. Сам же он продолжал жить в Тбилиси жизнью, бедной в материальном отношении, но богатой духовностью и друзьями. К нему заходили и «физики, и лирики» - люди любых профессий и национальностей, возрастов и социальных слоев, вероисповеданий и политических взглядов. Литератор Сергей Хангулян вспоминает, что здесь он несколько раз встречал профессора университета Константина Герасимова, любимого лектора многих поколений тбилисских филологов. Приходили и те, то хотел высказать собственное мнение о

сути добра и зла, и те, кому просто хотелось набраться ума в соответствующей компании.

В мордовских лагерях Степан и крестился, и увлекся антропософией – наукой о человеческом духе, сверхчувственном познании мира, пробуждении в людях их скрытых духовных сил. При этом, как свидетельствуют знатоки вопроса, солалакский философ небезуспешно спорил с некоторыми постулатами основоположника этого духовного движения, австрийца Рудольфа Штайнера. Жил Степа на скудный заработок преподавателя музыкальной школы, в которую его устроили добрые люди. И друзья приходили к нему не только с научными идеями и стихами, нотами и пластинками, но и с прозаическими продуктами и одеждой. А он не обращал на быт никакого внимания, ему были намного важнее нескончаемые ночные разговоры, погружение в философские премудрости, призванные сделать лучше и самого человека, и мир, в котором он живет. Вот такой, господа, идеализм на стыке двух прагматичных и жестоких веков. Художественная литература? Сам Степа ее не писал, было, правда, несколько стихотворений, посвященных друзьям, хотя поэтом он себя не считал. Но у него был хороший вкус, прозу и стихи, с которыми приходили к нему, он понимал не хуже философии. И с удовольствием читал друзьям Метерлинка, Волошина, Мандельштама.

Он ушел из жизни вскоре после того, как в его квартире умер больной туберкулезом друг, которого он долго пытался выходить. Кое-кто из окружения Степы вспоминает, что он предчувствовал свою смерть, изменился, стал уходить в себя. А нам, я думаю, стоит вспомнить о том, что выделялось в скудном убранстве его комнат. Перед арестом на столе стояла большая деревянная шкатулка с изображением задумавшегося юноши. И надписью: «Сяду я за стол да подумаю, как мне жить, как мне быть одинокому». Своеобразным ответом на этот вопрос стали изображения, появившиеся над его кушеткой после возвращения из лагеря – портрет антропософа Штайнера и фотография Статуи Свободы. Символы того, чему Степан Ананьев без позы, не ради славы, посвятил свою жизнь.

Хоронили его из дома №2 на Коджорской. Вот так, следуя за его судьбой, мы вновь, как по заколдованному кругу, вернулись на эту, уже знакомую нам улицу. И именно на ней, во дворе под №7 (за четыре дома до есенинского), жил поэт, драматург и журналист Владимир Панов. Впервые я увидел его на литературном вечере в школе, когда, заикаясь, читал свои вирши перед пришедшими в гости поэтами. Среди них был и он, тридцатилетний, сразу запомнившийся тем, как выражал свое ранимое отношение к жизни – пронзительной строкой о том, что до сих пор «динозавры кричат на Земле», и просьбой: «Ну, пожалуйста, Красная Шапочка, я прошу тебя: будь осторожна!» За его спиной был Литературный институт имени Горького, где он уже тогда выделялся среди сокурсников. Которые, в отличие от него, становились звездами первой величины на всесоюзном поэтическом небосклоне. В этом к ним мог бы присоединиться и Вова – так звали его и простые солалакцы, и коллеги-журналисты, и чиновники «высоких инстанций». Тем более, что весомые шаги для этого были сделаны. Его пьеса «Все восемнадцать лет», посвященная сухумской бортпроводнице Наде Курченко, убитой во время первого в СССР угона самолета, шла в театрах страны от Калининграда до Владивостока. И точно так же звучала песня «Обелиск», музыку к которой написал композитор Отар Тевдорад-

На поэтическом вечере. Владимир Панов - второй справа

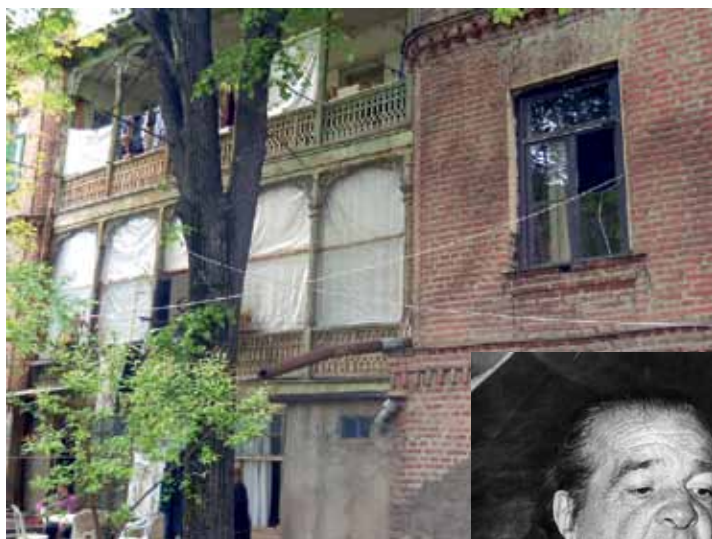
зе. Но никаких дальнейших стараний к приобретению настоящей всесоюзной славы Панов не предпринял. Он довольствовался тем, что стихи ему удаются, их хвалят знатоки, имя его хорошо известно в городе. И сколачиванию литературной карьеры предпочитал, как говорится, простые человеческие радости. Каковы могут быть эти радости для талантливых людей, хлебнувших успеха, хорошо известно. Хотя бы по судьбе русоголового рязанского парня, жившего на Коджорской улице за 9 лет до рождения Панова. Как и у Есенина, у тбилисского поэта была масса влиятельных знакомых, выручавших его из многих неприятных ситуаций. Но не надо думать, что «ответственные товарищи» покровительствовали поэту от щедрот душевных – Панов им был нужен, чтобы писать для них. А писать он мог хорошо, и не только стихи и пьесы. Поэтому в его жизни были и заведование отделом культуры в имевшей замечательные литературные традиции республиканской газете «Заря Востока», и кропание докладов в райкоме партии, и работа в Госкомитете по делам религий... Но на официальных должностях он долго не задерживался. Так и переплетались в нем две жизни: внешняя – бурная, полная друзей и событий, и внутренняя – где стихи становились все более трагичными и бунтующими:

*С ног на голову мир перевернув,
я в нем живу. Вокруг косые взгляды...
Глядят, к замочной скважине прильнув,
и шепчутся, что, дескать, так не надо,
что это не по правилам людским,
что выхожу за рамки этих правил,
что жить, перевернувшись, я не вправе,
пришла пора зажать меня в тиски...*

Печальные и правдивые строки. Что-то, а тиски он не выносил. Философы разделяют понятия «свобода» и «воля». И если ученики Степы Ананьева, многие из которых позже стали известными литераторами, утверждают, что в нем жила истинная внутренняя свобода, то в поэте Панове, скорее, гуляла вольная воля. Та самая, что бросает из одной крайности в другую. Ну, никак не вписывался он в гламурный аспект понятия «известный поэт». Писал много и легко, часто читал многочисленным друзьям свои глубокие и тонкие стихи, а вот печатался мало. Не хлопотал, как другие, чтобы издать очередной сборник. И жил, в общем, не ради славы. И не ради денег, предназначение которых видел лишь в предоставлении радости общения. Когда

же их долго не было, спасало то, что «капало» из ВААП – Всесоюзного агентства по авторским правам. Пьеса и песня Вовы продолжали исполняться в разных концах страны, а с выплатой гонорара за каждое исполнение в те времена было строго. В отличие от нынешних времен. Выручала его и «левая» плата за то, что он переписывал на человеческий язык бюрократическую галиматью официальных документов. А однажды я почувствовал, что оживают сцены из замечательного фильма Эльдара Шенгелая «Необыкновенная выставка». Помните, там талантливый скульптор вынужден зарабатывать на жизнь кладбищенскими памятниками? Так вот, захожу в «Зарю Востока», а там Вова обсуждает с кем-то предстоящий поход в ресторан. «Гонорар раньше срока дали?» В ответ – загадочная улыбка. Минут через десять появляются две респек-

Дом на Коджорской улице, 7

табельные дамы в черном, достают два конверта. Один из них Панов откладывает, а из второго извлекает лист бумаги, просматривает и начинает уточнять: «Имя уменьшительное или полное? Где еще работал? Как зовут двоюродных братьев?..» Когда женщины уходят, объясняет: «Для одной написал стихи на смерть мужа, для второй – пишу». «Твои знакомые?» - «Впервые вижу, друзья ко мне направили». И достает из отложенного конверта деньги: «А теперь – в ресторан!»... И в то же самое время его романтическая пьеса «Мы идем за Синей птицей» ставится в тбилиском русском ТЮЗе, а другая, как свидетельствует литератор Игорь Аванесов, «по сказаниям о Ходже Насреддине, в пору Черненко была отклонена от постановки»...

Перемена жизни Грузии после страшного 9 апреля 1989 года не могла не отразиться на поэте, он серьезно занимается стихами, появляются поэмы и даже сборники с «говорящими названиями» - «Скорбный апрель», «Сатанинский декабрь», «На грани фолы», «По ту сторону греха»... Потом наступают те мрачные 90-е годы, которые в Грузии вспоминают, как «плохое время»:

*Мы – обалдело спорящие,
охрипшие у микрофонов,
люди или чудовища
с доисторическим фоном.*

*Мы – на купола крестящиеся,
но душами обезбоженные,
во времени настоящем
прошлым своим стреноженные.
Мы – табуретки, будки
с товарами уворованными,
суеящиеся в буднях,
совесть свою проворонили.*

У Вовы – последнее в его жизни место работы, чудом издававшийся журнал «Русское слово», в котором собрались понимающие его люди. Они вместе стараются, на голом энтузиазме, чтобы это самое слово продолжало звучать грамотно и актуально. А жизнь Панова становится не просто трудной – она ужасна. Исчезновение привычных устоев, мрак, безнадёга, никакой поддержки от бывших высокопоставленных покровителей. А главное, болезнь и одиночество – в течение считанных месяцев две потери: уходит из жизни мать, трагически гибнет единственный сын. Вова уже полностью живет тем надрывом, который прозвучал в его ранних стихах. Только отчаянием можно объяснить и отъезд в Россию столь чисто тбилисского поэта, не мыслящего жизни без этих дворов и переулков. Потом – такая же отчаянная попытка вернуться. Не успел.

Владимир Панов

После его смерти многие говорили о том, что грешно было так растратить Богом данный талант. Что надо было преданно и аскетично служить Музе. Может, и так. Но именно в небольших сборниках Владимира Панова нам открывается целый пласт того времени – сложного, ломающего многое и многих. Не случайно, в сборнике, изданном за год до его смерти, в 1995-м (по настоянию и при помощи друзей), - вновь образ динозавров. Они – уже не те, что кричали молодому поэту из какого-то давнего прошлого, они олицетворяют то, как можно поступить, если ты не в силах изменить жесткие реалии:

*Мы живем, уповая, что завтра
льдов великий наступит разлом,
но не ждали того динозавры,
пробиваясь в рассвет напролом.*

*.....
Ну, а если б им знать, что спасенья,
пробиваясь в рассвет, не найти,
все равно б их вело одоленье
исступленного, злого пути.*

А, ведь, по сути, они оба остались динозаврами, знаковыми фигурами второй половины XX века – Степан Аветович и Владимир Алексеевич. Люди, очень разные, но одинаково не желающие принимать обстоятельства, в которые их ставила жизнь, меняющаяся по непонятным или чуждым им правилам. Иначе и на их домах мы смогли бы увидеть мемориальные доски, а в Интернете – их работы. Но от того, что этого не произошло, первый из них не перестал быть философом, а второй – поэтом. И их обоих не забудут ни на сололакских улицах, ни далеко за их пределами.

Владимир ГОЛОВИН

«А ЕСТЬ ЛИ ТАМ ТЕАТР?»

*В апреле в Москве прошла церемония вручения кинопремии «Ника». Приз за лучший фильм стран СНГ и Балтии получил фильм грузинского режиссера **Наны Джанелидзе** «А есть ли там театр?» Лента, снятая в формате киноисповеди, рассказывает о жизненном пути актера Кахи Кавсадзе и членах его семьи.*

На фоне высокого интереса к фильму появилось желание написать о нем, и как следствие, сначала посмотреть его. Не тут-то было. В кинотеатрах из грузинских картин идут «Прогулка в Карабах-3» и «Приключения Ано и Ваню». Остальное время предоставлено «импортным» лентам. Однако, может, это и к лучшему. Согласитесь, само упоминание слова «театр» в названии фильма по соседству с картинами «Игры голода» и «Гнев титанов» выглядит кощунственно. Хотя фильм посмотреть все же хочется. Кажется логичным на пике интереса к нему выпустить фильм на экраны страны. За разъяснениями я направилась к режиссеру. В результате не только побеседовала с Наной Джанелидзе, но и получила в подарок компакт-диск с записью фильма (разумеется, для частного использования). Вот они – приятные «издержки» работы журналиста. С разговора об отношениях с кинотеатрами и началась моя беседа с режиссером.

- Калбатано Нана, почему фильм не идет в кинотеатрах страны?

- Это сложный момент. Мы пока стоим в очереди. Кинотеатры почему-то не ставят грузинские ленты. Или ставят в плохие условия. Соперничать с голливудским кино при цене билета в 15 лари нашим фильмам не под силу. В Тбилиси всего три кинотеатра, все они в одних руках. Поэтому нет конкуренции. Думаю, должна быть другая ценовая политика.

- Если бы картина сегодня же вышла бы на киноэкраны, пошли бы многие – хотя бы из любопытства. И я в том числе...

- А вот кинотеатры не могут додуматься до этого. Пока интерес к фильму высок и горячи разговоры, руководство кинотеатра может заработать деньги. Видимо, у них другая логика.

ИСТОРИЯ СТРАНЫ – В ИСТОРИИ ОДНОЙ ЖИЗНИ

«Вообще-то я привык играть других. А тут я должен играть себя и рассказывать о своей жизни. Не знаю, что получится». С этих слов Кахи Кавсадзе начинается свой рассказ. «А есть ли там театр?» - фильм-исповедь, рассказ об истории одной жизни, в которой отразилась история целой страны. Семья артиста Кахи Кавсадзе известна как хранительница народных песнопений. Традиции устного песенного творчества передавались тут из поколения в поколение. Его дед, Сандро Кавсадзе был прославленным хормейстером, дядя, брат отца – солистом хора, и, наконец, отец, «Даташка» - руководителем хора.

Когда началась война, отца отправили на фронт,

хотя, как руководителю ансамбля ему полагалась бронь. Кахи было тогда 6 лет. Дальше – плен. Эмиграция. Арест. Ссылка. Маленьких Каху и его брата исключили из музыкальной десятилетки для одаренных, как «детей врага народа». Впервые Кахи увидел отца в тюрьме КГБ спустя два года после начала войны. Во второй, и последний раз – в ортачальской тюрьме.

Главный герой рассказывает о том, как семейная фотография спасла его отца от смерти в плену, откуда среди семейных реликвий семьи Кавсадзе трубка Сталина и почему в Германии был создан хор грузинской народной песни? По ходу фильма за спиной главного героя оживают рассказанные им сцены. Перемешиваются эпохи, слова, мелодии... Алая скатерть на столе, по форме совпадающая с контурами карты Советского Союза, красная атрибутика и плакаты эпохи соцреализма, напоминающие о предыдущем режиме, создают второе пространство и возвращают зрителя на полвека назад – в другое время, в другую реальность.

- *Калбатону Нана, расскажите, как у режиссера появляется идея снять фильм?*

- Это очень красиво описывает Ингмар Бергман. Он рассказывает, как настраивается на волну, какую роль играют воспоминания. А вообще, у всех по-разному. Никакого рецепта нет. Это очень долгий процесс. Никогда не бывает так, чтоб сегодня придумала, а завтра уже снимаю. Проходит много времени, прежде чем зернышко созреет.

- *Как говорил, по-моему, Эйнштейн, «если бы у меня было семь лет на то, чтобы вырыть яму, я бы шесть лет точил лопату». Также было и в случае с фильмом «А есть ли там театр?»*

- С Кахи знакома давно, еще с «Древа желания». Помню, впервые оценила его, как рассказчика на фильме «Колыбельная». Он так перевоплощается во время пересказа, как будто играет моноспектакль. Потом видела постановку о его семье, которая всего однажды прошла на сцене театра Руставели. Все члены этого большого рода – профессиональные певцы, передающие традиции песенного устного творчества из поколения в поколение. Тогда я впервые услышала историю об отце Кахи, который спасся от немецкого плена. Так появилась идея. Но денег не было. Спустя несколько лет я внесла проект в Национальный киноцентр и его одобрили.

- *Чем собираетесь заняться дальше? Есть идеи, планы?*

- Конечно, есть. Идеи всегда есть – денег нет. Но говорить об этом пока еще очень рано.

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА: ВМЕСТЕ ИЛИ ПОРОЗНЬ?

«Если мы будем жить так, как диктует нам грузинская народная песня, то никто нас с места не сдвинет». Эта фраза из фильма врезалась в память. Жизнь идет своим чередом, и судьбы людей сплетаются в канву истории. Политики приходят и уходят, режимы сменяют один другой. А песня остается. И остаются те, кто ее исполняет, кто ее помнит, любит и ценит.

- *Ожидали ли вы, что фильм получит «Нику». Это ведь не первый приз?*

- Да, фильм уже получал несколько российских премий. Но «Ника» для меня особенно дорога. Я получила ее 25 лет назад за фильм «Покаяние» - в первый же год

появления этой премии. Мы получили шесть призов в разных номинациях. Тогда я присутствовала на вручении. Она прошла с большим размахом. Так что нынешняя победа стала для меня символичной. Но в этот раз поехать я не смогла. Да и, признаться, не очень хотела. Хотя меня пригласили, но «выбить» визу не смогла даже такая влиятельная организация, как российская Киноакадемия.

- *Такое двойственное отношение не совсем понятно. С одной стороны, фильм признали, а с другой – не дали визу. Чем это можно объяснить, на ваш взгляд?*

- Политика и культура – разные плоскости. Служители культуры всегда тянутся друг к другу. А чиновники придерживаются другой линии. Часто эти две плоскости воспринимают как одно целое, но такой подход ошибочен. Потому что по ту сторону тоже от этого страдают. Я уверена: фильм надо было обязательно послать, чтобы как можно больше людей его посмотрели. Ведь он – о жизни в бывшем Советском Союзе. Всегда надо напоминать, что за система это была и сколько людей от нее пострадали.

- *Не кажется ли вам, что наше общее прошлое еще не отпускает нас?*

- Конечно. От прошлого вообще очень сложно откеститься. В этом плане показателен Нюрнбергский процесс. Он стал важной вехой в истории человечества и знаменательным моментом в сознании немцев. Сегодня невозможно представить, чтобы в Германии расистское высказывание осталось незамеченным. А на постсоветском пространстве такое встречается сплошь и рядом. То, что Советский Союз не устроил подобный процесс, означает, что экс-республики СССР все еще глубокими корнями связаны с «совковым» менталитетом. Международное сообщество должно было очень строго и жестко осудить ту систему, дать моральную оценку. Некая «половинчатость» и порождает то, что мы сегодня видим вокруг.

- *А в Грузии, как думаете, освободились от советского прошлого?*

- Мы как-то резко отошли от советского прошлого, потому что сразу же очень четко был взят курс против того течения. Но все равно в нашем менталитете оно засело глубоко. Выкорчевать это невозможно. Должны прийти абсолютно новые поколения. Посмотрите, сегодня руководящие посты занимают молодые. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что у них другое, новое мышление. С другой стороны, плохо – им не хватает опыта, чтобы решать большие проблемы. Отказавшись от прошлого, мы забыли и все то хорошее, что в нем было. Говорят, лес рубят – щепки летят. Мы неправильно оцениваем социализм. Сам по себе он не так плох. Не зря все прогрессивные мыслители и философы были социалистами или коммунистами. Теоретически, это лучше, чем капитализм. Просто мы помним его на практике – на плохой практике.

- *Вы сказали, что политика и культура – две разные плоскости. Но ваш фильм как раз и затрагивает политику. Получается, что совсем отделить эти две сферы нельзя.*

- Конечно, политика имеет влияние на нашу жизнь. Но все же идея снять фильм была связана не с политикой, а с человеческой судьбой, которая несет в себе ту трагедию. Трагическая история семьи всеми любимого комедийного актера Кахи Кавсадзе была для меня, как для режиссера, интересным материалом. Мне стало интересно, как можно было бы ее преподнести, в какую форму ее облечь.

ГРУЗИНСКОЕ КИНО: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Впервые я услышала о Нане Джанелидзе, посмотрев фильм «Покаяние». Она была соавтором сценария и вторым режиссером. Каково было работать с Тенгизом Абуладзе? Находясь бок о бок с талантливым художником, сразу ли мы осознаем, с мастером какого уровня работаем? Или гениальность того, с кем сотрудничаешь, оцениваешь позже? Вот как вспоминает калбатони Нана (которая «по совместительству» является женой сына Тенгиза Абуладзе) съемки «Покаяния» и самого мастера.

Верико Анджапаридзе в фильме «Покаяние»

- Понимание того, с кем работаешь, приходит позже. Гениальный художник в обычной жизни такой же, как все. Творчества в нем всегда больше, чем его самого. Он достигает в искусстве высот, которых в каждодневной жизни достичь не может. Таким был и Тенгиз. Очень «небытовой» в повседневной жизни, он, тем не менее, не особо отличался от других. В отличие, скажем, от Параджанова, который и в жизни был ярким и неординарным.

- Насколько важно для режиссера признание фильма?

- Признание очень важно. Стоит ли такая огромная трата времени, нервов, энергии, когда от этого нет ни денег, ни признания? Тогда ради чего этим заниматься? Воодушевляет даже одно доброе слово. А воодушевление очень нужно творческому человеку. Он и так интровертный, всегда в сомнениях, переживаниях, мыслях. У Тенгиза Абуладзе есть фильм «Мольба», который долго держали «на полке». Только через семь лет его пустили на широкие экраны, и то – на второстепенные. Однажды Тенгиз абсолютно случайно узнал от знакомого, который слушал «Голос Америки», что «Мольба» получила Гран-При на фестивале в Сан-Ремо. Для него это была большая радость. Так что признание – это важно. Чтоб идти дальше и продолжать делать свое дело.

- В советское время государство выделяло деньги на производство фильма. Сейчас надо искать спонсоров...

- Это не совсем так. Государство и сейчас субсидирует, но не все фильмы, а только те, которые одобрит Национальный киноцентр. И то не все 100 процентов, а 75. Поэтому надо искать дополнительные финансы. Это сложно.

- А если Киноцентр не одобрил, но фильм снять все же хочется, надо самому искать средства?

- Да, причем, немалые. В Грузии не так много част-

ных денег, которые вкладывались бы в кино, потому что это невыгодно. С этой точки зрения мы, киношники, в плохом состоянии. Хотя коммерческие фильмы, пусть и в небольшом количестве, но все же снимаются.

- Означает ли это, что кино превратилось в бизнес?

- Если ты имеешь всего три кинотеатра, невозможно выкачать оттуда вложенные в кино деньги. В развитых странах при составлении бюджета фильма 30 процентов уделяют расходам на рекламу. То есть если хочешь получить прибыль от фильма, то треть средств надо потратить на его раскрутку. У нас же все средства уходят на съемки. И что потом делать, непонятно. Ведь фильм надо продать, чтобы окупить расходы. Думаю, пока кинотеатров не станет больше и цены на билеты не будут ниже, ситуация не изменится.

- Когда фильм получает премии на фестивалях, полагается ли ему денежное вознаграждение?

- К сожалению, нет. Наоборот, самому приходится покрывать транспортные расходы. А почта у нас дорогая. Отправить маленькую дискетку обойдется в 100 лари. Наш фильм участвовал в десяти фестивалях. Посчитайте, сколько нужно только на пересылку. Еще неизвестно, отберут твой фильм или нет. Если же пустить его в эфир телеканалов, то за полтора часа платят всего 300 долларов. Эта смешная сумма никак не может окупить то время и труд, что потрачено на создание фильма. Во времена Советского Союза мы мечтали – вот станет страна независимой, настанет эра капитализма, люди заживут хорошо. Ничего подобного не случилось. Стало еще хуже. Тогда режиссеры хотя бы получали настоящие гонорары. Сейчас и этого нет. За фильм «А ест ли там театр?» ни я, ни Кахи не получили ни гроша. Группе, конечно, я платила, но на большее не осталось – денег было впритык. Снимать кино сегодня – это адский труд и невыгодное дело. Единственное, что остается, это моральное удовлетворение.

- Недавно в Тбилиси прошел фестиваль кавказских фильмов. Как вы считаете, кино стран Южного Кавказа имеет общие черты, или есть три разных кинематографа – грузинский, армянский и азербайджанский?

- Кинематограф всегда очень точно определяет характер нации, очень точно его рефлексировать. Чем эти три народа отличаются, такая же разница и в их кино. Я не очень хорошо знакома с армянским и азербайджанским кинематографом. Знаю лишь то, что кино – всегда зеркало души народа.

- Есть режиссеры плодотворные, выпускающие в год по фильму. А есть долго вынашивающие свои планы, работающие, что называется, «редко, но метко». Вы к какому типу относитесь?

- Наверное, ко второму. А, например, если переосмыслить фильмы Тенгиза, то получается, что он снимал раз в семь лет. У него всего семь фильмов. Но все – шедевры. Так что – у кого как. По мне, так лучше редко, чем каждый год – некачественно. Ну а если кто-то часто снимает шедевры – так это еще лучше. Сегодня снимать кино – дорогое удовольствие даже для богатых стран, что уж говорить о маленьких. Без поддержки государства кино не выживет – так же, как театр и опера. Вообще культура должна держаться за счет государства. За высокое искусство надо платить.

Яна ИСРАЕЛЯН

ИМЕНА ЛАУРЕАТОВ ИЗВЕСТНЫ

Седьмая церемония награждения лауреатов конкурса «Русская премия», имеющего статус международного, состоялась 24 апреля в Москве, в «Президент-Отеле».

Специальный приз «За вклад в развитие и сохранение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации» был вручен Николаю Свентицкому – за многолетнюю культурно-просветительскую деятельность, углубление двусторонних культурных связей между Грузией и Россией, организацию и проведение ежегодного Международного русско-грузинского поэтического фестиваля.

Названы лауреаты «Русской премии» в трех номинациях. В номинации «Крупная проза» лучшим стал один из самых известных современных авторов Юз Алешковский с «Маленьким тюремным романом». На втором месте – молодая писательница из Австрии Дарья Вильке и ее роман-медитация «Межсезонье». Третье место жюри конкурса присудило Лене Элтанг из Литвы за роман «Другие барабаны».

Лучшим в номинации «Малая проза» стал писатель из Германии Дмитрий Вачедин со сборником рассказов «Пыль». Второе место – у Марии Рыбаковой (США) за роман в стихах «Гнедич». Третье место занял Евгений Абдуллаев (Узбекистан) за повесть «Год барана», написанную под псевдонимом Сухбат Афлатуни.

Победителем в номинации «Поэзия» был назван поэт Илья Риссенберг (Украина) за книгу «Третий из двух». Вторым в поэтической номинации стал Алексей Цветков (США) с книгой стихов «Детектор смысла». Третье место – у израильского поэта Феликса Чечика за сборник стихотворений «Из жизни фауны и флоры».

Н.Свентицкий и С.Чупринин

С префектом ЦАО г. Москвы С.Байдаковым

Юз Алешковский на награждении

В состав жюри конкурса под председательством главного редактора журнала «Знамя» Сергея Чупринина вошли поэты Сергей Гандлевский (Россия) и Александр Кабанов (Украина), писатели Андрей Курков (Украина), Елена Скульская (Эстония), Герман Садулаев (Россия), литературные критики Александр Архангельский (Россия) и Борис Кузьминский (Россия).

Всего к участию в конкурсе 2011 года поступило 549 заявок от писателей из 40 стран мира. Наибольшее количество произведений – в номинации «Малая проза»: 170 сборников рассказов и повестей. В номинациях «Крупная проза» и «Поэзия» – 154 романа и 166 поэтических сборников соответственно. На соискание специального приза Оргкомитета и жюри конкурса «За вклад в развитие и сохранение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации» было выдвинуто 15 номинантов, представляющих семь стран.

ЧЕЛОВЕК ПАМЯТИ И КУЛЬТУРЫ

Юрий Вачнадзе родился в Тбилиси в 1933 году. По специальности физик, доктор философских наук. В течение восьми лет вел авторскую музыкальную программу «Не только шоу-бизнес» на Грузинском государственном телевидении, автор и ведущий еженедельной программы грузинской службы американской радиостанции Свобода «Музыка, музыка». Ведущий международного джазового фестиваля в Тбилиси (1989). Автор более двухсот художественных передач на русской службе Свободы, сборника эссе на русском и грузинском языках «Грузино-российский контрапункт» (2011) и книги стихов «Измерено судьбой» (2012).

23 апреля 2012 года в конференц-зале «ТВС Банка» (здание бывшего старого тбилисского универмага) прошла презентация этих книг. Издания осуществлены при поддержке Международного фонда искусств и межкультурного диалога.

«Говорят, вначале было Слово. Нет, вначале был звук. Лишь потом из звуков возникли слова... Слова, произнесенные на каком-либо языке, всегда можно перевести на другой язык. Перевод бывает удачным и неудачным. А можно ли перевести звуки? У них ведь есть своя частота, амплитуда, основной тон, обертоны, децибелы, наконец... За ними кроются такие понятия, как красота звука, тембр, высота и масса еще чего-то, создающая неповторимую ауру языка».

Это отрывок из радиопередачи Юрия Вачнадзе «Непереводимый грузинский театр» в рубрике радио Свобода «Поверх барьеров».

Голос Вачнадзе начал звучать на радио Свобода с 1994 года, именно тогда он становится собственным корреспондентом на Свободу.

Юрий Вачнадзе

В одном из стихотворений 2003 года он обыгрывает фразу: «Живу без света и тепла/ И без надежды вроде:/ Такие вот у нас дела.../ Зато я на Свободе –/ Не той, что мне дала страна,/ А что звучит из Праги...»

Так Юрий Вачнадзе многие годы «рассекал волны» в эфире. Это были художественные программы – очерки, портреты, репортажи, в которых поднимались вопросы культуры, общественной жизни, политики.

О переводах с русского на грузинский язык своего близкого друга Вахушти Котетишвили Юрий Вачнадзе как-то сказал, что они – «музыка в поэзии». Перефразируя его слова, скажем, что очерки самого Вачнадзе – музыка на радиоволнах.

Слушая в детстве радио, казалось, что невидимый человек за пультом чем-то похож на тебя: может, ему нравится играть в прятки и потому он выбрал эту профессию. С телеведущими эффект волшебства никогда не возникал – здесь все происходило наглядно.

В 2010 году при поддержке «Русского клуба» и радио Свобода вышел двойной аудиодиск «Грузия – Россия. Радиопортреты» с избранными передачами Юрия Вачнадзе.

Юрия Вачнадзе называют «человеком памяти и культуры, который любит слово». Удивительно, что автор передачи почти всегда остается в тени. Он лишь ведет слушателя от одного героя радиовыпуска к другому. Этому сопутствуют четкие комментарии, всегда с тонким вкусом, меткой оценкой, с юмором. Внутренняя интеллигентность не остается незаметной. Академик Дмитрий Лихачев говорил, что «можно притвориться добрым, щедрым, даже глубокомысленным, мудрым, наконец ..., интеллигентным – никогда».

О книге «Грузино-российский контрапункт» Эльдар Рязанов пишет, что «читая ее, беседеешь с интереснейшим человеком, умным, легким. Наделенным глубоким умом и чувством юмора. Его статьи, короткие эссе, которые рассказывают о коренных проблемах жизни, волнуют всех. Мне кажется, Юрий Вачнадзе

Просветитель с большой буквы...»

На презентации обоих изданий Юрий Вачнадзе среди прочих стихотворений и переводов с грузинского из Важа Пшавела, Михаила Квливидзе, Отара Чиладзе прочел и свое стихотворение «Как тепло и уютно в духане...» В нем перекличка со знаменитым мандельштамовским «Мне Тифлис горбатый снится...» Стихи не ждут сравнений, но иногда само собой возникает ответная эмоция.

У Осипа Мандельштама есть строки:

*... Человек бывает старым,
А барашек молодым,
И под месяцем поджарым
С розоватым винным паром
Полетит шашлычный дым...*

У Юрия Вачнадзе:

*... С поздней ночи до утренней рани
Здесь баранья витает душа.
Тихо плачет о чем-то дудуки,
Навевая тревожные сны,
Целый мир под печальные звуки
В ожиданье рассвета застыл...*

На презентации

Стихи Юрия Вачнадзе пропитаны грустью по старому Тбилиси, по его особой исключительности, которую он ныне утратил. По уходящей натуре... Поэтический сборник «Измерено судьбой» – это поиски утраченного времени.

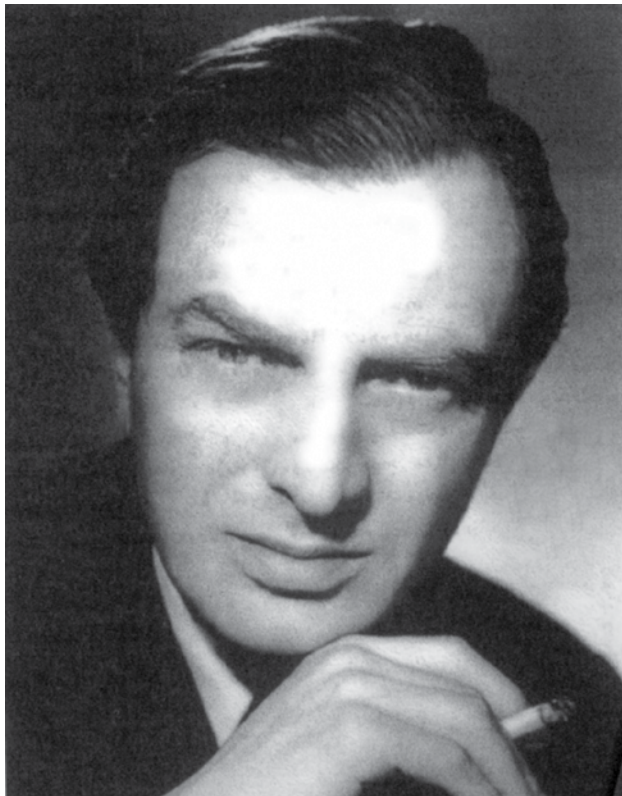
*«Включаю песню – старую, как город,/ Чтобы услышать
прошлого шаги,/ Бродящего по улицам воспоминаний,
/ По переулкам пыльным и усталым...»*

Вачнадзе-поэт и Вачнадзе-журналист строг по отношению к городу, где родился, сформировался, прожил насыщенную событиями и встречами жизнь. Но в его строгости просвечивают лишь любовь и боль за сегодняшний Тбилиси – «он вроде есть, но нет его на самом деле...»

В заключение еще раз процитирую слова Дмитрия Лихачева: «Индивидуальность ... приобретается от рождения, «дается судьбой» и развивается искренностью: быть самим собой во всем – от выбора профессии до манеры говорить и до походки».

Для многих тбилисцев Юрий Вачнадзе – истинный горожанин до мозга костей, иными словами – «калакели». Этот титул Юрий Вачнадзе измерил судьбой.

Алена ДЕНЯГА

Александр Черепнин

ЮНОСТЬ КОРОЛЕВИЧА

Александр Николаевич Черепнин (1899-1977), выдающийся композитор русского зарубежья, пианист, теоретик и музыкальный публицист, начал свой творческий путь в Тифлисе, ставшем первым этапом эмиграции семьи. «Синеокий королевич», «златокудрый принц» - так называли юного пианиста его восторженные почитательницы – курсистки, старшеклассницы первой женской гимназии, студентки консерватории. В дни его концертов угол улиц Грибоедовской и Круженштернской обрамлялся живой стеной меломанов, которые, не сумев проникнуть в Малый зал, утешались возможностью хотя бы увидеть своего кумира. Признания удостоились и первые композиторские опыты, в чем убеждают отзывы в прессе. Прибывший с семьей Черепниных из Петербурга композитор Фома Гартман, у которого Саша начал заниматься в классе полифонии, покидает его авторский концерт, унося впечатления о юношеском пыле, дерзкой отваге, задоре «милого юноши, еще не надевшего тогу солидного композитора». Более решительно высказался музыкальный критик В.Ананов, известный безошибочной интуицией в распознавании молодых дарований: «...какие безбрежные перспективы открыты этому титаническому размаху, вулканическому темпераменту, сатанинскому характеру! Это еще львенок, но все в нем львиное...»

Публикация В.Ананова – единственное свидетельство исполнительского мастерства А.Черепнина, его

проникновенной музыкальности, совершенства технического аппарата, звукописной выразительности, богатства тембровой палитры. «Рояль для него неисчерпаемый источник красок и оттенков. То оркестральный гром, то исступление, то нежный лиризм и прозрачный звон...»

Еще одна сторона деятельности А.Черепнина журналистика, где юный музыкант последовательно выстраивал панораму музыкальной жизни столицы. Его перо направляли принципиальность в отстаивании художественного уровня, нелицеприятность оценки, нередко игнорирующей признанные авторитеты.

Поле критики Александра Черепнина объемлет явления художественной жизни Тифлиса во всем многообразии. В одной из ранних статей мы знакомимся с оценкой выступления учащихся частной студии декламации, ритма и пластики, одного из первых подобного рода учреждений на территории бывшей Российской империи. Распространение эвритмического учения, пламенным пропагандистом которого был директор Петербургских императорских театров князь С.Волконский, ознаменовалось учреждением в 1912 году в Петербурге курсов ритмической гимнастики. Открытие в Москве и Петрограде институтов ритма относится уже к 20-м годам, в то время как тифлисская студия, преобразованная в дальнейшем в Институт ритма и пластики, была создана в 1917 году.

Ее основатель Србуи Лисициан, балетовед, режиссер-балетмейстер, ученый историк и этнограф, впоследствии – доктор исторических наук. Вступительное слово, которое она прочитала на вечере, судя по рецензии, было связано с разъяснением положений научной теории основоположника эвритмического учения Франсуа Дельсарта. Ее декламация в сочетании с пластическими движениями стала «предметом самых восторженных оценок как со стороны переполнившего зал публики, так и своих учениц».

Рецензия подводит к выводу о том, что налаженная в студии система обучения способствовала максимальному раскрытию природных способностей учащихся, активизации творческой инициативы, укреплению фантазии. «Ученики не повторяют заученные па, - делится своими впечатлениями рецензент, - а творят, или просто отдаются во власть того или иного настроения». Их жесты искренни и непосредственны».

Публицистика А.Черепнина сохранила свидетельство о существовавшей в Тифлисе в течение двух лет школы эвритмики Жанны Матиньон-Зальцман, показ достижений которой состоялся спустя неделю. Этот вечер Ж.Матиньон-Зальцман – один из фрагментов культурной панорамы, на фоне которой вырисовывается портрет Фомы Гартмана – пианиста, композитора, педагога, музыканта-просветителя и публициста, прибывшего из Петербурга одновременно с семьей

Николай Черепнин

Черепниных. Примечательна его статья о премьере «Абесаломы и Этери». Это первое исследование музыки Захария Палиашвили на русском языке содержит меткие наблюдения о становлении художественной индивидуальности композитора, жанровой природе и стилевых особенностях его первой оперы, пронцательные высказывания о грузинском церковном пении и грузинской народной песне, изложенные в широком культурологическом контексте.

Одна из прекрасных страниц в творческой биографии Гартмана – руководство открывшегося в бытность его в Тифлисе Общества Комитаса. Личность Комитаса, его творчество и деятельность общества его имени, провозгласившего своей целью популяризацию музыки композитора, находящегося в то время в парижской больнице по нервным заболеваниям, становятся очередным предметом критического внимания А.Черепнина.

21 мая 1919 года в зале Тифлисского артистического общества (ТАРТО) при полном аншлаге состоялся концерт из произведений Комитаса, который был повторен 29 мая. В двух рецензиях Черепнина в газетах «Кавказское слово» (№99) и «Новый день» (№5) Комитас представлен как ревностный поборник народной песни, один из наиболее выдающихся собирателей армянского песенного материала. Тифлиссские публикации А.Черепнина обнаруживают удивительную для его возраста осведомленность в вопросах российской и европейской культур.

Ценна информация об исполнительском потенциале основанного в 1912 году Спиридоном Меликяном Армянского хорового общества. «Хоровые песни Комитаса, - сообщает критик, - прозвучали музыкально стройно, сильно; хор под управлением талантливого

ученика и продолжателя Комитаса Спиридона Меликяна ... был точным проводником идей и заданий Комитаса». При этом не излишне вспомнить, что, провозжая в свое время Меликяна в Берлин для продолжения учебы в частной консерватории Шмидта, Комитас всячески старался оградить своего духовного крестника от опасностей пройденного им самим пути. «Комитас как учитель мой и руководитель, будучи весьма озабочен тем, чтобы я не поддавался немецким влияниям, дал мне переписать и взять с собой весь сборник собранных им песен как неиссякаемый источник армянских тем».

Критические отклики А.Черепнина, выразительно запечатлевшие энтузиазм и воодушевление переполнившей зал ТАРТО публики, донесли до нас слова Ф.Гартмана: если психическая болезнь вообще излечима, Комитаса должен исцелить успех концерта. Все вырученные средства от него поступили в адрес Комитаса.

Предметом внимания А.Черепнина порой оказываются события, впоследствии выпавшие из культурной памяти. Так, в рецензии на авторский концерт своего отца, Николая Николаевича Черепнина, рецензент сообщает, что вечер проходил в зале Народной консерватории. О таком учебном заведении в опубликованных материалах советского периода нет сведений. Однако, это название всплывает и в конце статьи, когда автор делится впечатлениями о слушательской аудитории впервые посещаемого им зала. «Скажу откровенно, нигде в Тифлисе публика не слушала так внимательно музыку. Истинное удовольствие должен испытывать артист, когда его сочинения встречают такой внимательный и вдумчивый прием». Еще одна

С Иегуди Менухиным. Лондон. 1948

публикация А.Черепнина свидетельствует не только об автономии этого учреждения, но также о том, с какой миссией оно вступило в музыкальную жизнь Тифлиса. Народная консерватория, наряду с Грузинским обществом и Грузинской консерваторией, называется в числе трех очагов распространения музыкальной культуры в Грузии. С какого же времени она начала функционировать? В газете «Кавказское слово» (1918, № 186) содержится объявление о начале приема в Народную консерваторию в классы нотной грамоты бесплатно и без ограничений. Цель нового учебного заведения, открытого при Народном университете, в здании которого должны были проходить занятия (Михайловская улица, 91; впоследствии здесь разместился кинотеатр «Комсомолец») «распространить музыкальное просвещение среди демократической массы Тифлиса и сделать его более доступным». В преподавательский состав нового учебного заведения вошли

С Игорем Стравинским

профессора Грузинской консерватории, ведущие свободные художники Петроградской и Московской консерваторий, а также солисты оперного театра.

В последний год перед эмиграцией Черепнин стал сотрудничать в газете «Борьба», где тон задавал С.Чемоданов, профессор консерватории, лектор по истории музыки.

В сложившейся на страницах этой газеты системе формирования массовых музыкальных вкусов на первом месте требование к соблюдению меры, нетерпимость к перегибам, к любому проявлению максимализма.

Описываемый период характеризуется формированием и распадом сменяющих друг друга товарищеских объединений, творческих союзов, клубов, сту-

дий. Экстравагантные названия большинства из них – «Алькрэ», «Павлиний хвост», «Привал комедиантов», «Кривой Джимми» - на первый взгляд вызывают сомнения как в серьезности намерений организаторов, так и профессиональном уровне участников. Но это далеко не так. В сентябре 1918 года открылась студия «Ладья аргонатов». По сообщению «Кавказского слова», студия сосредоточила вокруг себя всю даровитую и активную творческую молодежь Тифлиса – от философской мысли до «лукавого куплета». О том, насколько это соответствовало действительности, можно судить по статье А.Черепнина «Музыкальный сезон». В числе проведенных вечеров – авторский концерт из неизданных произведений Н.Черепнина, вечер вальсов в исполнении Л.Пышнова. Интересно сообщение о самобытном и проникновенном исполнении солистом оперы Балабаном 2-й картины из «Скупого рыцаря» Рахманинова с сопровождением даровитого пианиста Зейлингера. Партия Барона в этом спектакле одна из самых неблагоприятных и трудных в басовом репертуаре, и Шаляпин, отказавшись от участия в премьеры, никогда не исполнял эту роль на сцене. Если опера «Алеко» с 1904 года входила в репертуар тифлисского театра, знакомство меломанов с музыкой «Скупого рыцаря» состоялось через «Ладью аргонатов».

На рубеже 1920-1921гг. в прессе встал вопрос о необходимости реорганизации системы проведения концертов; за основу предполагалось взять чередование камерных и симфонических вечеров в соответствии с историко-хронологическим принципом. Инициатор этой идеи С.Чемоданов; о ее предпосылках позволяет судить статья Черепнина «Боровский и Белоусов. По поводу их отъезда». Эти гастроли были главным событием сезона, на которое отозвалась музыкальная пресса. Черепнин сообщает о том, что за четыре месяца артисты дали 43 концерта, на которых прозвучала музыка всех эпох и народов от Баха до Прокофьева, и «Бах ожил также, как Прокофьев».

А.Черепнину довелось быть свидетелем конкурса на создание гимна Грузинской Демократической республики. В этом первом конкурсе грузинских музыкантов ощутимо дали знать о себе слабость профессиональной подготовки. Именно это имел в виду Александр Николаевич, когда писал: «Не забудем, что, только подведя европейский фундамент под народно-песенный материал, - как бы драгоценен сам по себе он ни был, - можно выявить истинный дух нации». В соответствии с этим, он считает преждевременным проведение такого ответственного мероприятия: «... конкурс ... был объявлен раньше, чем словотворчество нашло ясную и незыблительную формулу, которую композитор как бы призван утвердить своим искусством». К этому факту подводится неучастие в конкурсе «таких почтенных и уважаемых грузинских артистов, как М.Баланчивадзе, Д.Аракишвили, З.Палиашвили, что должно было поразить каждого, кто знаком с грузинским музыкальным миром».

Начало творческого пути юного композитора совпало с пышным расцветом русского модернизма, который, по определению В.Ананова, был для него не модный наряд ... а свой родной задушевный язык. Поэтому по приезде в Тифлис Черепнин так естественно вписался в Цех поэтов Сергея Городецкого (собрал поначалу поэтов «всех толков и направлений», это объединение вскоре раскололось на акмеистов, осевших в музыкальной студии Бендицкого, и футури-

стов, основавших «Фантастический кабачок»).

Александр Николаевич охотно участвовал в декадентских мероприятиях. В облике музыканта из «Богемы» Мюрже (так воспринял Я.Львов, известный публицист по вопросам искусства, его появление на Весеннем празднике футуристов), он сопровождает Торжественную лекцию В.Каменского импровизациями Встречальности. Звучальности. Венчальности. Однако, подобного рода маскарады остались за пределами его публицистики. Он провозглашает критериями прекрасного простоту и правдивость, искренность и неподдельность чувств, «продуманность» вопреки «надуманности». В отличие от своего выдающегося современника и сверстника В.Набокова, который не только отвернулся от высоких традиций русской литературы, но и подверг их уничтожающей иронии, Черепнин неотступно сохранял верность заветам Золотого века.

С настороженностью относился он к такой примете времени, как возведение виртуозности в главный показатель профессионализма.

В то время, как в «горькие и тяжкие дни» декабря 1918 года В.Ананов, обычно отзывающийся на все культурные события, отклоняет просьбу редактора журнала «Ars» А.Петроковского дать новый материал, Черепнин зорко стоит на страже художественной жизни Тифлиса. Предвидя угрозу застоя, он бьет тревогу, заявляя о безответственной заторможенности инициативы, нерастраченных творческих силах, а, главное, о пагубной для нации недооценки собственных возможностей, и настойчиво призывает к творческой активности: «... эта осень показала, что Тифлис, предоставленный самому себе, не учитывает еще своих сил, не умеет ими пользоваться ... еще не сознает, что, став культурным центром, он должен создавать, а не ждать прихода варягов, посторонних сил, что должен утилизировать свои силы. И мне кажется, что эти свои силы здесь имеются, они лишь разрознены, и, пока не будет объединения ... нельзя ждать серьезных художественных достижений и сознательной музыкальной жизни».

***

16 апреля 1968 года в концертном зале Телавского музыкального училища состоялся классный концерт и.о. профессора Тбилисской консерватории Н.Ф. Козьминской-Чигогидзе. Во втором отделении прозвучала соната А.Черепнина для виолончели и фортепиано боль мажор. Партию виолончели исполнила Н.Ф. Козьминская. Во всей вероятности, это первый случай исполнения в СССР музыки А.Черепнина. Написанную от руки программу концерта, а также публикуемые ниже письма нам любезно предоставила дочь Н.Ф. Козьминской, доцент Тбилисской консерватории по классу арфы Нуну Чигогидзе.

**Письмо А.Н. Черепнина к Н.Ф. Козьминской
22.05.67**

Дорогая Нина!

Спасибо от нас обоих за подарки – чувствую себя как задаренный именинник – все с нами вместе прибывает в Париж, а когда будем попивать из грузинских бокалов французского винца – будет всегда тост за нашу неизменную дружбу!

Сколько воспоминаний воскресило наше пребывание в Тбилиси! Как будто и не уезжал, и не про-

Семья Черепниных: Александр и Сяньмин с детьми. Париж. 1948

шло почти полвека с того времени, когда мы вместе музицировали. Из Парижа пришлю тебе все мои виолончельные сонаты – из них как раз сочиненные в Тбилиси Ода и Соната сделались вместе с сочиненной в Париже Грузинской рапсодией наиболее популярными.

А теперь, когда мы друг друга опять обрели — пожалуйста останемся в контакте: мой парижский адрес 2 ru Furstemberg Paris 6.

Не забывай нас, пиши, и всего всего тебе хорошего и деткам.

Душою твой Саша.

**Письмо Н.Ф. Козьминской к А.Н. Черепнину
(без указания даты)**

Дорогой Саша!

Получаю твой третий привет. И вместе с радостью сгораю от стыда, что я полна желаний с вами переписываться, но это все я мечтаю, а на деле мое молчание даже грозит быть невежливым. Все это от чрезмерной загрузки работой и даже сама не знаю, для чего это мне. И работа в консерватории и два дня работаю в районе (г.Телави) мне жалко оставлять мой маленький домик в одиночестве. Но без работы я не могу жить и даже во время каникул скучаю.

Это первая причина. Вторая заключается в том, что ты мне прислал столько литературы. У меня в плане было сыграть твою сонату. Но на большом пальце образовалась опухоль. Сейчас ее удалили и приступаю к работе. Все-таки летом я тебе письмо написала, и хоть сейчас оно уже старо, я тебе его отсылаю. Вот сколько неинтересного в письме, все оправдания. Как вы живете и что ты делаешь? Я ведь не знаю, сколько времени ты пробудешь в Америке. И вдруг я напишу тебе много писем, а ты уже будешь в Париже. В день Нового года у меня дома был детский праздник из-за внучки (2 года четыре месяца). Была музыка, танцы, хлопушки и дед Мороз. Я, глядя на их довольные рожицы, была с ними счастлива. Как вы там проводите праздник? Целую вас двоих, поздравляю и желаю очень много лет, очень большого счастья. Любящая вас Нина Козьминская.

Мария КИРАКОСОВА

СОЗИДАТЕЛЬ ПО ПРИЗВАНИЮ

Михаил Николаевич Непринцев – один из наиболее известных тбилисских архитекторов первой половины XX века. Родился он в Тбилиси 22 августа 1877 года. Отец, Николай Непринцев (1847-1931) родился на Украине в г.Елисаветграде (ныне г.Кировоград). Окончив военно-топографическое училище в начале 1870-х, он «приехал служить на Кавказ в Тбилиси», где впоследствии получил дворянство. Здесь он приобрел «достаточную известность, как специалист высокой квалификации». Служил в военно-топографическом отделе Кавказского военного округа, преподавал в землемерном училище. Мать, Анна Смирнова, домохозяйка, была уроженка Тбилиси.

М.Непринцев учился в I-ой классической гимназии, окончив которую в 1896 году, отправился в Петербург, где поступил «по влечению к строительству и архитектуре» в Институт гражданских инженеров. Институт окончил в 1902-м, потеряв год из-за участия в студенческой забастовке.

После окончания института Михаил возвращается в Тбилиси и начинает работать архитектором в почтово-телеграфном округе (до 1914). С 1903-го, по совместительству, он архитектор на строительстве железной дороги Эривань-Джульфа, а в 1911-м – Карс-Сарыкамыш. Он три года состоял членом технического совета при канцелярии заместителя по земскому, дорожному и гражданскому строительству. С 1921-го работает в научно-техническом комитете при ВСНХ, в техническо-сметном отделе ЗНКФ, в Закстройкоме при Госплане ЗСФСР, Закавказском научно-исследовательском институте по строительству, в 1933-1935 гг. в управлении «Груздворецстрой» по разработке рабочего проекта Дворца правительства Грузинской ССР (проект архитектора В.Д.Кокорина), в тресте «Грузкоммунпроект» на должности руководителя 2-й архитектурной мастерской отдела гражданских со-

оружений, а с 1944-го до конца 1950-х гг. в институте «Грузгоспроект» главным архитектором проекта г.Рустави при Закавказском металлургическом заводе.

М.Непринцев занимался и педагогической деятельностью. В течение десяти лет (1919-1929) преподавал в Грузинском политехническом институте в качестве штатного преподавателя, доцента и заведующего кафедрой «Архитектура и строительное искусство». В 1941 году он был приглашен в ТБИИЖТ на должность профессора кафедры «Строительные работы, основания и фундаменты». Тогда же его утвердили в ученом звании доцента. С 1959 г. же после объединения вышеуказанного института, - в Грузинском политехническом институте (по 1962 г.).

М.Непринцев трижды избирался гласным в Тифлисскую городскую Думу (1908, 1912 и 1916 гг.). Как гласный Думы он принимал участие в работах различных технических комиссий, в частности, по постройке в г.Тбилиси Мухранского моста, городской бойни, электрической станции, по устройству Бальнеологического курорта и др. Позже, уже в советский период, Михаил Николаевич был членом комиссий по строительству здания «Заря Востока» (1926-1929), здания Закавказского совета народных комиссаров (1930).

В конце 1913 года – начале 1914-го свой двухмесячный отпуск Михаил Николаевич использовал на поездку за границу, посетив Берлин, Париж, Ниццу, Милан, Венецию, Вену.

М.Непринцев – автор большого количества научных статей, посвященных проблемам архитектуры и строительства, а также научной работы «Материалы для составления проектов зданий школ и техникумов в условиях Грузинской ССР» (1933), рукописных научных трудов «Архитектура мостов» (1946), «Проектирование и строительство зданий» (1950), «Архитекту-

Михаил Непринцев

ра вокзалов» (1954)...

Михаил Николаевич принимал деятельное участие в работе Союза архитекторов Грузинской ССР, где состоял членом правления и председателем жилищной секции (1930-е гг.). На 2-м Всегрузинском съезде архитекторов им был сделан основной доклад «О задачах улучшения строительного дела в Грузинской ССР». Он был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники Грузинской ССР», в 1946-м награжден орденом Трудового Красного Знамени, нагрудным знаком «Почетный железнодорожник» за вклад в дело железнодорожного строительства (1953).

М.Непринцев был воспитан на образцах мировой классической архитектуры и, в частности, на классических образцах архитектуры Петербурга и его окрестностей. В то же время, пишет он, «с большим напряжением, подавшись общему течению, в период 1922-1932 гг. в ряде проектов проделал ряд опытов по применению конструктивистских методов проектирования, как в отношении решений планов зданий, так и в отношении внешнего оформления их. Восприняв все положительное, что мог дать конструктивизм».

«Работая постоянно в столице Грузии, г.Тбилиси, я естественно в своих проектах иду по пути освоения богатого архитектурного наследия грузинского народа и стараюсь добиться национальной, а иногда специфически тбилисской выразительности, применяя переработанные в духе современности мотивы грузинской архитектуры прошлого, в основном на базе классического наследия, как грузинской, так и архитектуры Греции и Рима». Так, запроектированы мною дома треста «Чай-Грузия»; защитный павильон над домиком тов.Сталина; Учительский институт в г.Гори; жилой дом «Грузнефти»; отчасти ТБИИЖТ и др.».

За свою более чем полувековую творческую дея-

Армянская семинария

Реальное училище на ул. У.Чхеидзе, 8 (1912)

Жилой дом на ул. П.Ингорква, 20 (1914)

Жилой дом в пер. А.Чавчавадзе (1913-1914)

Павильон над домом И.В.Сталина в г.Гори (1940)

Здание «Грузнефти» на ул. М.Костава, 65 (1941-1951)

Жилой дом на ул. М.Костава, 67 (1940-1950)

Здание ТБИИЖТа (1937-1956)

тельность зодчий создал огромное количество (около 150) проектов различных зданий и сооружений. Это – жилые дома, административные здания, вокзалы, мосты, клубы, школы, здания высших учебных заведений, больницы, театры, планировки населенных мест.

Старший сын архитектора – Николай Михайлович Непринцев (1903-1984), автор проектов многих зданий и сооружений, построенных в различных районах Грузии и особенно в Тбилиси. В частности, здания цирка на площади Героев в Тбилиси (1940). В 1967 году он был удостоен звания заслуженного архитектора Грузинской ССР.

Младший сын – Юрий Михайлович Непринцев (1909-1996), был живописцем и графиком, учился в Академии художеств (1934-1938 гг.) в Ленинграде, где в дальнейшем протекала его жизнь и деятельность. Народный художник СССР (1965), действительный член Академии художеств СССР (1970). Его картина «Отдых после боя» была удостоена Государственной премии первой степени за 1952 год.

Жили Непринцевы в собственном доме у подножья Мтацминды на Давыдовской улице (ныне ул. Бесики). В 1912-м по проекту Михаила Николаевича одноэтажный дом был перестроен (надстроен второй этаж).

Михаил Николаевич, подводя итог своей более чем сорокалетней творческой деятельности в 1942 году, перед выходом на пенсию, писал: «Итак, вся моя жизнь – работа по специальности, по призванию и работа созидательная. В этом моя удача, во мне живет сознание не даром прожитой жизни».

Скончался Михаил Николаевич Непринцев 2 марта 1962 года в Тбилиси.

Тамаз ГЕРСАМИЯ

Фото Александра Сватикова

Памятник Рональду Рейгану в парке на Рике в Тбилиси

1512-2972